
Погасшие луны погибшего мира
Путь Истока
Анна Миолай

Путь Истока

Анна Миолай

Погасшие луны погибшего мира

«Автор»
2026

Миолай А.

Погасшие луны погибшего мира / А. Миолай — «Автор», 2026 — (Путь Истока)

Королева Хортланда решилась на отчаянный шаг, и в королевстве вспыхивает ненависть к фэйри. Люди желают избавиться от соседей, владеющих опасной магией. Четверо путешественников становятся свидетелями того, как рушится хрупкий мир между расами. Они ищут ответы, но находят лишь новые тайны.Мэй собирается всего лишь посетить резиденцию Двора Осени, но оказывается в самой мрачной из всех сказок, которые она когда-либо читала. Найдется ли для нее путь к спасению или ей суждено превратиться в тень под светом погасших лун в давно мертвом мире?

© Миолай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тара. Глава 1, в которой кто-то наблюдает за героями со стороны, а близнецы заключают пари 5
Тара. Глава 2, в которой кое-что вспоминает и рассказывает Тара 11
Тара. Глава 3, в которой Тара заключает новый контракт 17
Тара. Глава 4, в которой герои решают идти в Сонневейк, а попав в него, решают, что оставаться здесь не стоит 24
Тара. Глава 5, в которой Линт встречает старого знакомого 31
Тара. Глава 6, в которой Линту едва не сломали нос... дважды 37
Мэй. Глава 7, в которой Мэй предлагают войти в Великий Двор 47
Мэй. Глава 8, в которой рассказывается о том, как сложно бывает принять то, о чем даже не смел мечтать, и как легко вновь потерять это 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Погасшие луны погибшего мира

Тара. Глава 1, в которой кто-то наблюдает за героями со стороны, а близнецы заключают пари

— Это еще кто?

Вдоль межи через поле гуськом шагали четверо незнакомцев: трое фэйри (отличить фэйри от людей было легко даже на таком большом расстоянии по походке, плавности движений и изящному телосложению) и девица, высокая чуть ниже того из фэйри, что шел впереди всех. И здесь тоже было очевидно, что меч в ножнах на боку — вовсе не бутафория и не игрушка. Умеет с ним обращаться хозяйка. Наверняка сил хватит и с мужчинами в бою сойтись. А если не хватит сил, то ловкостью возьмет. Была она поджарой и широкоплечей, со светлыми волосами, едва прикрывавшими уши, в мужской одежде. Двигалась, как солдат на марше. Если бы не некоторые черты, ясно выдававшие в ее фигуре женскую, Виллем Веге барон Хорвель и вовсе не признал бы в ней девку.

— Не из Сонневейка, — присмотревшись, отвечал Фабиан, русоволосый и кареглазый юноша лет двадцати. — Никогда не видел их в Кэтрилане. Да и одежда на них на всех... неместная.

С этим было не поспорить. Неместная. Да еще и на всех четверых разная. Высокий черноволосый фэйри, шедший первым, мог бы показаться каким-то оборванцем, кому угодно, кроме тех, кто понимал что-то в походной жизни. А Виллем Веге кое-что в этом понимал. Например, сложенный вдвое плащ может служить навесом, когда нужно укрыться от дождя. Сапоги, хоть и выглядят стоптанными, добротные, и прослужат еще не один год. А их хозяин привык по-разному путешествовать. И верхом в том числе.

Впрочем, о том, что у путников были лошади, которых они по какой-то причине лишились, говорили седельные сумки, служившие вместо вещевых мешков у двоих, шедших между черноволосым фэйри и вооруженной девицей. Эти двое и одеты были хоть и на фэйрийский манер, но побогаче — в длинные кафтаны, расшитые золотыми нитями. Одежда была испачканной и запыленной, но определенно дорогой.

Четверо удалялись от холма, на вершины которого в роще затаились трое наблюдателей.

— Куда их несет нелегкая? — пробормотал барон и повернулся к третьему своему спутнику. — Что скажешь ты, Зэрин?

Фэйри поправил берет. Хоть он и прятал под ним заостренные уши, принадлежность его к магической расе можно было определить, не приглядываясь. Глядел он на удаляющихся путников с легким удивлением и некоторым неудовольствием, хоть и без неприязни. Вроде как во взгляде его читалось: этих только здесь не хватало.

— Я их не знаю, ваша светлость, — ответил он, — но могу предположить, кто они такие. Кроме женщины. Наняли, наверное, как проводника. А эти трое... Даже если я угадал, пользы нам от этого не будет никакой.

— Этот путь ведет в Сонневейк. А оттуда две дороги — в Кэтрилан и в Хорвель, — ответил Виллем. — А ну как они сейчас в самый Тсам-Храйдс прямо в Кэтрилан и отправятся.

— А вы, ваша светлость, вознамерились спасать всех мимо проходящих фэйри? — съязвил Зэрин.

— Я предупрежу их, — Фабиан дернулся было вперед, вознамерившись догнать четверых путников, уже отошедших на приличное расстояние.

— Нет! — барон Хорвель его удержал. — До заката они в Сонневейк не дойдут. Заночуют на краю поля. Оттуда, сам знаешь, в темноте дорогу не найдешь. Да и видел? У двоих ноги

уже заплетаются. Они остановятся на ночлег. А тебе надо возвращаться, пока никто ничего не обнаружил и не заподозрил.

Фабиан упрямо взглянул на собеседника, но возразить не успел.

— Ты хороший парень. И сделал хорошее дело. Но выбирать сейчас сторону, заведомо противную твоему семейству, не дело.

— Моя сестра в Альвхайденгарде, — нахмурился юноша.

— Так разве ж не из-за этого весь сыр-бор?! — хохотнул Зэрин, посмотрев на Фабиана, как на неразумное дитя. — Не потому ли, что единственная дочь герцога и твоя сестра оказались в Альвхайденгарде, да еще и не по своей воле, Эрития заварил всю эту кашу, а Кэтрилан охотно ее поддержал?

— Заткнись, Зэрин! — приказал Виллем, заметив, как заливается краской лицо и гневно засверкали глаза Фабиана Кэтрилана. — Если ты останешься с нами, и твои братья тебя увидят, тебе придется решать: стал ли ты своим родным недругом. И если ты решишь остаться на их стороне, будет ли к тебе доверие? И не потребуют ли от тебя как-то доказать, что ты его достоин?

Фабиан разжал кулаки, краска с лица спала. Молодой Кэтрилан заметно смутился.

— И как ты потом объяснишь все Кайрону Кэтрилану, когда он вернется из столицы?

Молодой человек заметно сник, а потом сказал:

— Если завтра Гарольд не осмелится мериться с вами собственными силами, он отправит весть в Эритию. А оттуда придет герцогский отряд. Дерек... с людьми Эритии. Это опытные бойцы...

— Это уже моя забота, — отрезал барон Хорвель. — Отправляйся домой. И делай вид, будто ни о чем не знаешь. Жизнь еще не раз поставит тебя перед выбором. А до этого у тебя будет время подумать.

Когда все-таки Фабиан Кэтрилан, коротко попрощавшись, скрылся за деревьями, а через пару минут послышалось тихое ржание и удаляющийся топот копыт, барон Хорвель снова повернулся к оставшемуся своему спутнику:

— Так кто это такие? Ты уверен, что они не стоят нашего внимания?

— Чужаки это, — хмыкнул фэйри, — и для нас, и для вас. Стоят ли внимания? Это как посмотреть. Сдается мне, фэйри, что мы видели, обладают настоящей магической силой. Но станут ли ввязываться? То, что сейчас происходит — дела Хортланда. Они подданные Альвхайденгарда. Фэйри, сменивший сюзерена, не имеет права на помощь и защиту от прежнего сюзерена.

— Откуда они вообще здесь взялись? — проворчал себе под нос Виллем. — Откуда пришли? Почему их раньше никто не заметил?

Зэрин хмыкнул и пожал плечами. В голове фэйри были, конечно, мысли о том, как представитель Великого Двора Ночи мог пройти незамеченным куда угодно. Примерно так же, как все фэйри прошли в мир людей. Но сам он об этой магии имел очень примерное представление. Объяснить бы так, как объяснил в свое время барону Хорвелю разнообразные аспекты бытовых чар, не смог бы. А потому, зачем что-то говорить, если никакой пользы от этого не будет?

— Что делать будем, ваша светлость?

— Готовиться будем.

— К Тсам-Храйдс?

— И к нему тоже...

***

Сначала на несколько мгновений возникла полная, звенящая тишина. Мир перестал существовать. Ник, его подельники, крестьянский двор, орущий петух и квохчущие куры — все пропало разом. А была вокруг лишь серая мгла и тишина, в которой кажется громким даже стук собственного сердца.

В следующую секунду все вернулось. Запахи, звуки, ощущение, что она упала на что-то мягкое... Или на кого-то. Руки на ее талии, такие горячие, что тепло ощущается через одежду. Вокруг высокая зеленая трава.

Или нет, не трава. Неспелые колосья пшеницы колышутся на ветру. Небо хмурится. Вот-вот начнется гроза.

— Вы же видели, да?! — во все горло заорала Лайрин, — Видели?! Линта'эл! Ты видел?! Я сплела приказ, наложила его и контролировала все время. Он послушался. Не хотел, но послушался. Эта птица! Петух!

— Да-да-да, — скучным тоном произнес ее брат, — ты великая заклинательница кур!

Лайрин фыркнула.

— Да уж, заклинательница! Контроль держать научилась. В отличие от некоторых.

Тара начала подниматься, Линт разжал руки, и она поняла, что он обнимал ее все это время. А еще, что она упала прямо на него. Обернулась, чтобы понять, все ли с ним в порядке. Удар при падении ей показался довольно сильным. Уж не сломала ли она ему что-нибудь? Этот фэйри, конечно, был куда крепче, чем выглядел. Но все же.

Линта'эл на ее встревоженный взгляд ответил странной улыбкой. Он выглядел помятым, но вроде целым.

— Где мы? — спросила Тара, оглядываясь по сторонам. — Это Альвхайденгард?

Пожалуй, на страну фэйри окружающая их действительность походила меньше всего. Обычное поле и деревья вокруг. Так что ответ Линта ее не очень удивил:

— Нет... Плохие новости. На Тсам-Храйдс в Лексхэйвен мы не попадем. Хорошая — мы в Эритии. К западу от Грозового хребта. Так что выследить нас вот так просто уже не выйдет.

Из зарослей появились мордахи близнецов: растрепанная, но очень довольная собой Лайрин, а из-за ее плеча выглянул Дар.

— Ну и ладно! — совершенно беспечно выдала она. — Кажется, я слышала, что столица Эритии ничуть не хуже столицы всего Хортланда.

— Понять бы теперь, в какой мы части Эритии и куда идти, — покачала головой Тара, явно не слишком разделяя всеобщую радость и облегчение.

— Я бы не смог открыть переход в совершенно незнакомое место. Вернее... Не стал бы. Мы на юге герцогства. И боюсь, в их столицу за оставшиеся два дня мы не дойдем, — сообщил Линт, поднимаясь, — но здесь есть деревня, не очень далеко. На краю поля, вон там, — он указал направление, — есть старый амбар. Там можно переночевать. А утром уже решим.

Почему-то ей слышался в голосе фэйри какой-то деланный, искусственный энтузиазм. Она все больше ловила эти интонации в его речи с тех пор, как они покинули лунную поляну в лесу, ту самую, где упокоилось тело беловолосого фэйри, о котором она знала лишь, как его зовут.

Линт так ничего и не рассказал. Лишь мрачнел и отмалчивался, когда речь заходила о той ночи, и начинал оглядываться по сторонам, как будто ждал, что вот-вот откуда-нибудь снова выскочит тварь, похожая на порождение тьмы.

Близнецы же понемногу забыли тот страх, что испытали при встрече с настоящим шайсаром и воспринимали произошедшее как приключение, из которого посчастливилось выйти целыми и невредимыми. А значит, и беспокоиться уже не о чем.

Кажется, их также печалила судьба найденного в лесу фэйри, но они, как и Тара, ничего о нем толком не знали. А потому задумывались о нем все реже.

Они шли вдоль межи через поле, Линт показывал дорогу, Лайрин и Дар шли за ним следом, Тара же осталась замыкающей.

— Жаль, конечно, — рассуждал Дар, — в столицу не попали. Оставалось-то всего ничего.

— Ага, — отозвалась его сестра, — зато ты видел? У меня получилось. И сплести, и наложить как следует. И птица эта меня послушалась как надо…

— Почему с шайсаром не получилось? — задумчиво пробормотал Дарвайн, — вроде тоже все правильно было…

— Ну ты даешь, — Лайрин хихикнула, — шайсар тебе, что, зверь или птица?

— Рыба, — огрызнулся Дар. — А кто он, по-твоему? Фэйри, обожравшийся угля? Или человек?

— Ты видел, что от него осталось? Кучка какого-то песка и все. От живого такое не остается, — фэйри покачала головой, — он нежить какая-то.

— Смотрю, некоторые умнеют на глазах, — бросил через плечо Линта'эл.

Близнецы ненадолго замолчали, то ли размышляя, как бы ответить, то ли, действительно задумавшись о природе шайсаров.

Тара же думала о другом. Она все-таки оказалась в Эритии. Столько лет прошло, она обходила герцогство стороной, старалась не думать о том, что был долг, который она не исполнила, обещание, которое обязана была, но не выполнила. Забыть бы обо всем. Но как? На шее — цепочка с кольцом. В сердце — память о родных, близких и о городе, где прошло ее детство. А на душе — тяжелый камень, который, словно магнит, тянул ее в Эритию. Вот, видимо, и притянул.

Стемнело. Небо то и дело озаряли молнии, за которыми следовали раскаты грома. Первые тяжелые капли дождя уже успели упасть, предупреждая о грядущей непогоде, когда они увидели обветшалое, но еще годное для того, чтобы спрятаться от дождя, строение без окон, когда-то служившее амбаром.

Крыша оказалась еще вполне добротная, протекала лишь в одном месте. Так, все четверо вполне уместились в сухой части. Там даже было что-то вроде очага. А рядом — аккуратно сложенные, порубленные дрова. Видимо, крестьяне все еще пользовались этим убежищем для ночевок во время полевых работ.

Огонь развели и сели разбирать нехитрую снедь, которой удалось разжиться по дороге, как раз в тот момент, когда снаружи резко грянул ливень, застучав по крыше и забарабанив в покосившуюся, но пока еще державшуюся чудом дверь.

В деревеньке на тракте, из которой пришлось так внезапно бежать, они не успели даже простых лепешек прихватить. Зато на межи нашлось несколько кустов спелой ежевики и яблоня. Но яблоки оказались еще совсем мелкие и зеленые. Линт сказал, что сделать с ними сможет что-то только утром. Увы, магия перехода имела свою цену. Так что собранные неспелые плоды оставили до утра, на завтрак.

Ежевики явно не хватило, чтобы наесться, и близнецы некоторое время страдали по пшенной каше с курицей, которую им так и не довелось отведать. Но воспоминание о Беспалом привело их к выводу, что да Пропасть с ней, с этой кашей.

Лайрин, уже начавшая клевать носом, вдруг встрепенулась, словно вспомнила о чем-то, оживилась и заговорила:

— Мы же переходом сюда пришли?! Линт открыл переход! Значит, я была права, Дар, — толкнула она брата в плечо. — Я тебе должна щелбан!

— Ну уж нет! Мы не о переходе спорили. Переход еще ничего не доказывает! Вот когда доказательства будут неопровержимыми, тогда я признаю, что проиграл!

Из всего увиденного и услышанного Тара поняла, что магия перехода даже для фэйри не совсем обычна. И что-то было еще с ней связанное.

— Да у нас вышел как-то один спор, — начала объяснять Лайрин, поймав вопросительный взгляд Тары. — И, кажется, я победила. Только вот он, — она ткнула пальцем в брата, — не хочет этого признавать.

— Так, а какие доказательства, кроме магии перехода? Теоретически фэйри любого Великого Двора способен изучить магию любого другого Великого Двора. Эйверин'айт говорила как-то, что...

— Лайрин выиграла, ты проиграл, — очень быстро проговорил Линта'эл. От Тары не укрылось мимолетное движение его руки. Что-то он сплел, а близнецы замерли, уставились на него, как будто оценивая плетение, которое он пока держал на кончиках пальцев.

— Так значит?.. — начала Лайрин.

Линт поднял руку чуть выше. Она умолкла.

— А ты откуда знаешь, о чем был спор? — пробубнил Дар.

— Догадался, — сухо парировал Линт.

— Подставляй свой лоб! — потребовала Лайрин от брата.

Дар бросил на Линта еще один хмурый взгляд, повернулся к сестре и покорно наклонился, чтобы ей было удобнее.

— Неугомонные, — покачала головой Тара, поняв, что по какой-то причине Линт не хотел, чтобы она знала о предмете спора. И заставил близнецов молчать, чем-то им пригрозив.

— Недоросли-фэйри, — усмехнувшись, произнес Линт, опуская руку, — с ума сведут кого угодно.

С этими словами он набросил на плечи Тары свой плащ. Вечер был удивительно прохладным для середины лета, и это было очень кстати. К тому же свой плащ она отдала в лесу, чтобы завернуть в него тело Сэлэми. Но это никак не отменяло ее изумления. Все же этот жест оказался для нее полной неожиданностью.

— А ты сам как? Сегодня холодно.

— От огня довольно тепла, — фэйри дернул плечами.

Лайрин прищурилась:

— Дар… я предлагаю еще один спор, — она повернулась к брату и что-то быстро зашептала ему на ухо.

Он покивал, а потом сказал:

— Ну… давай. Только не на сам факт, — он задумался и сказал: — месяц.

Лайрин помотала головой:

— Неделя, не больше.

— О чем вы? — поинтересовалась Тара.

Линт же вновь бросил на близнецов тот самый свой взгляд, которым обычно их одаривал, но который вдруг как-то смягчился после всех злоключений в лесу, и сказал:

— О глупостях всяких. Да, Лайрин'айт, я такой же фэйри, как и вы, еще не оглох и не забыл люмьери окончательно.

Фэйри прикусила нижнюю губу и захихикала, вместо того, чтобы смутиться или разозлиться.

— Эрития… — произнесла Тара задумчиво, — в самом деле эта магия... переход может перенести так далеко?

— Переходом можно путешествовать куда угодно, — Линт устроился рядом. — Только желательно, хорошо знать место, куда открываешь портал. И чтобы там было просторно, не было поблизости стен или каких-то преград… Точно в конкретную точку портал можно открыть только по ориентиру. Иначе можно оказаться в неприятной ситуации.

— Ага! — воскликнул Дар. — То есть, в спальню рэйн Эйверин'айт ты бы нас не отправил! Ну! Признайся!

— Зал Совета в Сиян'эл'энди большой, там нет стен, потолок очень высоко. Не переживай. Кроме спальни рэйн Эйверин'айт я найду достаточно мест в пределах Кэл'эстрии, куда можно вас отправить.

— А это место, получается, ты хорошо знаешь? — прервала Тара начинающуюся перепалку.

— Когда я впервые отправился в земли людей, был хуже слепого котенка, — Линт поморщился, — да, совсем как эти двое. Но у меня возможностей себя защитить и тогда было

побольше, — тут же добавил он, заметив две ехидные улыбки. — В общем, я понял, что иногда благоразумнее всего удрать, и стал запоминать безопасные места для перехода. Это одно из них. Вот мне и пришло в голову, что здесь до сих пор поля… Повезло.

— А что было бы, если бы здесь были какие-то строения или деревья? — снова спросила Тара.

Линта'эл поморщился, вздохнул и ответил:

— Если сильно не повезет, можно застрять в стене или дереве. И это не шутки. Это… довольно опасно на самом деле. И не смешно, — он бросил серьезный взгляд на близнецов, — частицы стены или дерева, очень мелкие, оказываются в твоем теле, между его частицами… Они мгновенно перемешиваются. И чтобы спасти человека или фэйри из такой ситуации, нужно действовать быстро. Счет идет на секунды.

— А что будет? — полюбопытствовала Лайрин.

— Кровоток прервется, органы перестанут работать, они же забиты камнем или деревом, и ты умрешь через несколько секунд, — сообщил он, — если застрянешь всем телом. Но в любом случае можно лишиться ноги или руки. Тоже неприятно. Однажды пришлось иметь дело с подобным. Поверь, это было очень страшно. И тому, кто застрял. И мне, потому что надо было очень быстро соображать, как действовать и чем помочь.

— Но способ хм… вытащить такого бедолагу есть? — Тара представила последствия подобного и как должна выглядеть такая смерть. Воображение нарисовало странную, но не очень приятную картину.

— Нам повезло. Я быстро нашел кое-кого более опытного в магии, — Линт усмехнулся.

— А кто это был? — спросил вдруг Дар. — Ну кто застрял и в чем? В стене? В дереве? А как потом, он остался жив?

— В каменной колонне. Жив остался. Кто это был — вам знать необязательно, — отрезал Линт.

На лицах обоих близнецов тут же отразилась усиленная работа мысли. Они о чем-то зашушукались, и спустя минуту Дар выдал:

— А если мы угадаем?

— Мне далеко не пять лет, Дарвайн'эл. Я в такие игры перестал играть еще до Исхода.

Тот разочарованно поджал губы. Близнецы еще немного пошептались, но с расспросами больше не приставали. Они даже решили: уже довольно поздно, пора спать, — и отправились искать, что могло бы заменить тюфяк. Одеяла, к сожалению, оказались растерзаны и испорчены во время столкновения с шайсарами в лесу, и пришлось обходиться малым.

Почему-то Тара не чувствовала себя сонной. Она помогла Лайрин и Дару, но потом вернулась к костру. Линта'эл вроде бы тоже не спешил укладываться спать, все рылся в своих вещах, что-то искал или, наоборот, оценивал содержимое своего вещевого мешка, бормотал под нос и, похоже, был немного обеспокоен, но скорее какими-то больше рутинными неприятностями, чем опасностью или бедой.

Эрития…

В голове одна другую сменяли разные мысли. Они, как языки костра, внезапно взвивающиеся в воздух, как стая птиц, всполошившихся при виде чего-то отдаленно напоминающего опасность.

Тара. Глава 2, в которой кое-что вспоминает и рассказывает Тара

Лепесток огня вырвался из очага, выпустив сноп искр…

…— Тариана! Ты же девочка! — Сигенева распутывает длинные светлые волосы дочери, в которых попадается даже репей и жабьи листья, намертво склеивающие золотистые пряди. — Что с этим делать теперь? Выстричь?

— Мам… Ну, обстриги меня, правда! Иолка вон бегает под пацана стриженная и ничего! Удобно же!

— У Иолки были вши, — мать презрительно фыркает, — да и волосы у нее тусклые и редкие. Такие не жалко!

— И мои не жалко! Мешает же!

— Глупая! Не ценишь свою красоту! — качает головой женщина.

— Да она и так у нас первая красавица! Оксморская принцесса! Нет! Царевна!

— Дед!

Тара вырывается из рук матери и бросается к высокому человеку, совершенно седому, но еще крепкому. От него пахнет лошадьми и дымом, а в серо-голубых глазах — бесконечная любовь и радость при виде внучки…

…Пламя танцевало перед глазами, извиваясь и переливаясь оттенками янтаря и багрянца, будто живое существо…

… — Когда они придут сюда целой ордой, Лотар, будет поздно звать на помощь! — говорит грузный мужчина в тунике на голое тело, стоящий оперевшись на большой двуручный топор. Тара как-то пыталась его поднять. Ничего не вышло, чуть не надорвалась, лишь едва оторвав его от земли. Это Сродит, соратник деда, старый вояка, такой же, как Лотар Железный Рог.

— Чушь! Банды как приходили каждую весну, так и приходят. Ни больше, ни меньше. Мы выстоим! — дед резко опускает кулак на стол. Предмет мебели жалобно хрустит.

— Ты не хочешь идти к Эритии, отец? Может, получится с ним договориться? — это говорит Дамиан, отец Тарианы. Голос спокойный, даже тихий. Он и сам такой человек. Рассудительный и задумчивый.

— Ты прав, я не хочу идти к Эритии. Но если опасность будет, я пойду. Моя гордость имеет пределы, поверь. Сейчас вы преувеличиваете!

Мужчины продолжают спорить, почему племена из-за Искренниковых гор такие неистовые, что гонит их с юго-востока, заставляет пересечь почти непроходимый перевал Олова, разорять Вольные города. Об их мрачных богах и ритуалах. О жертвоприношениях…

А Тара сидит тихо, как мышка в своем укрытии, в сундуке, на который как раз уселся отец, не подозревающий, что серьезные мужские разговоры подслушивает его глупая маленькая дочь, чтобы потом важно рассказывать своим приятелям о дикарях, Искренниковых горах и неведомой силе, ведущей орды в долину, несущей разорение и смерть, а потом вернуться в свои суровые края до следующего года…

…Языки огня вспыхнули золотым, алым и медным, заиграли тенями на земляном полу…

… — Вильдар Эрития отказал нам в помощи, — Дамиан, только вернувшийся из Хортланда, разочарованный ответом герцога, без аппетита смотрит на пироги, испеченные женой, едва обращает внимание на крутящуюся рядом дочь, — сказал, ежели мы все решим, что не судьба нам прозябать в Вольных городах, он примет в своих землях, как своих подданных, примет клятву верности… Но войск своих Оксмору он не даст.

Лотар Железный Рог молчит.

— Что у тебя вышло с ними, отец? Он ведь герцог, а ты даже не барон…

Дед, кажется, одним движением согнул толстую стальную кочергу, прежде чем также молча выйти…

…Сквозняк, прорвавшийся через неплотно закрытую дверь, на миг заставил пламя затрепетать, но уже в следующее мгновение оно загорелось ярче…

… — Эта бумага, Тариана, важный документ! Поняла меня, внучка! — Лотар дает ей в руки свернутый в трубочку пергамент с печатью, настоящей сургучной, как у благородных, — если увидите на третий день черный дым, уводи всех. Идите в Хортланд, в Эритию. Отдай бумагу герцогу. Скажи, что ты внучка Лотара Железного Рога из Оксмора. Он даст вам убежище. Ты все поняла, Тариана?..

— Да… да, я поняла!

— Спрячьтесь в роще за перевалом! Ты поняла?! Но не возвращайтесь, пока на стене не увидишь флаг! Тариана!

— Да, дед. Мы спрячемся. Хорошо…

Было страшно, как никогда в жизни. И она была старшей и по возрасту, и по определению — внучка городского воеводы, дочь второго по авторитету человека в Оксморе. Мальчишки ее ровесники взяли в руки оружие. Некоторые женщины, такие как Сигенева, мать Тары, тоже остались — кто-то же должен лечить раненых или даже заменить погибших на стенах города. Остальных: малых детей, девок, младше шестнадцати и баб, слишком уж плаксивых и пугливых — отправили подальше, прятаться за перевал, в осиновую рощу. И Тара теперь отвечала за них. Ей было тринадцать. И она с гораздо большей охотой осталась бы в Оксморе, с дедом, отцом, матерью, со смешливым Томашем, с которым они вечно задирались и соперничали. Но ему вот дали в руки меч, а ей сказали, что она для этого не годится…

…Огонь с остервенением лизал поленья. Искры целым роем разлетелись во все стороны, словно стая огненных птиц…

… Дым клубится, поднимаясь над холмами. Тара стоит и смотрит, как сгорает ее жизнь, погибают дорогие и родные ей люди, как уходит в небытие когда-то благополучный маленький городок, гарнизон которого много лет противостоял дикарям с юга, но все же их оказалось больше, а их ярость была сильнее.

— Что теперь, Тара? — мальчуган младше нее года на три, русоволосый и очень серьезный, с карими глазами, стоит рядом. Он молодец, почти мужчина, и делает все верно. И сейчас сделает.

— Я вернусь в Оксмор, — ей надо несколько минут, чтобы набраться смелости и сказать это, — если над городом подняли флаг, можно возвращаться…

— Тара, ты думаешь, там еще есть город? — тихо спрашивает он.

Она молчит, а потом достает запечатанный пергамент, обернутый в кусок овечьей кожи, и говорит:

— Вот, Орин, надо отвести всех в Хортланд, в Эритию. Герцог примет вас всех. Сделает подданными. Если я не вернусь через два дня, идите туда.

Орин быстро кивает. Это хорошо, что он все понял. У него все получится…

Тара же некоторое время молча стоит, словно не решаясь пошевелиться, а потом идет туда, в сторону холмов, из-за которых поднимаются клубы густого черного дыма…

***

— Что-то не так?

Тара резко повернулась. В глазах еще какое-то время плясали зайчики от света пламени, а потому не сразу поняла, что Линта'эл стоит рядом с ней, видимо, только подошел, она не в долине Вольных городов, в предгорьях Искренниковых гор, а в старом амбаре с тремя фэйри…

— Я не хотел тебя беспокоить, просто… — Линт как будто чего-то смутился.

А она поняла, что, наверное, впервые за долгие годы погрузилась в воспоминания так глубоко, и это не могло не отразиться на лице. Прикрыла глаза, заставила себя успокоиться. Нет, она вовсе не собиралась ничего ему рассказывать. Но как-то получилось само по себе…

— Все в порядке… Просто Эрития… — проговорила она, вздохнула и неожиданно сама для себя продолжила, — я старалась обходить Эритию стороной. Насколько это возможно. Это может показаться странным…

И снова, только внимательный взгляд и готовность слушать. Тара никак не могла понять, это какая-то общая для фэйри черта — умение к себе расположить. Может все-таки магия? А какая, в общем-то, разница? Тем более, их магия на нее не действует, ведь на ней сейчас даже не один, а два железных амулета, если это можно считать амулетами.

И она рассказала обо всем. О том, как подслушала разговор взрослых и узнала, что на Оксмор надвигается беда, но не поняла тогда даже, насколько серьезной была угроза. О том, как дед, понимая, что Оксмор не выстоит, просил помощи у герцога Эритии, но тот отказал. Даже несмотря на то, что Лотар Железный Рог готов был признать герцога своим господином и подчиняться ему. И все равно Эрития посчитал, что это не стоит того, чтобы рисковать жизнями солдат своего войска.

Рассказала, как снова ее дед, Лотар, вручил ей грамоту, чтобы она просила милости у того же герцога для людей из Оксмора. Но она отдала ее своему другу по детским играм, Орину. И как, оставив вверенных ее заботам людей в безопасном месте, вернулась к родному городу, чтобы увидеть пепелище, вдохнуть его запах и найти на том месте, где когда-то была городская площадь, груду обгоревших тел…

Буквально на следующий же день Оксмор был похоронен под селем, сошедшим в долину. Он же погреб под собой и дикарей, только-только пустившихся в обратный путь. Тару спасло то, что она очень хотела догнать своих, но так и не догнала. Никто ждать ее не стал. Чудом спасшиеся оксморцы ушли почти сразу. И, вероятно, пошли другой дорогой, потому как в Ротхайме никто о них не знал и не слышал. И еще долгое время Тара боялась думать о них, считая то ли потерявшимися, то ли сгинувшими, испытывая чувство стыда и вины одновременно, пока не узнала стороной о том, что Виладий Эрития принял в подданство каких-то голодранцев, пришедших из Вольных городов…

— Я… рада, что они дошли до герцогства, — закончила она свой сбивчивый рассказ, — но встретить кого-то из Оксмора… Как будто часть ответственности, которая лежала на плечах моего деда, до сих пор принадлежит и мне, а я не могу вернуть им наш город. И не могу снова посмотреть им в глаза…

Снова в его взгляде не было жалости, скуки или чего-то еще, чего она так боялась, что не могла даже оформить в мысль. Сочувствие, но такое глубокое, что не требовало слов или жестов, и внимательный интерес.

— А еще, — Тара вздохнула, — хоть дед и просил помощи у Эритии, даже соглашался на условия, которые презирал прежде — стать подчиненным Эритии бароном, признать его своим герцогом и господином, тот ему отказал, но принял потом тех, кто просил у него просто кров… Герцог как будто решил таким образом успокоить свою совесть. Или… Я не знаю…

Себе-то она уже призналась, что даже рада была тому, что не попала в Эритию вместе со всеми. Ее путь оказался другим и привел ее к тому, кем она является сейчас. Пусть это и не совсем ей по душе, но все же лучше, чем быть крестьянкой на землях Эритии, подданной герцога. Что это было? Гордыня, доставшаяся в наследство от деда? Может быть. Но единственным, что в своей такой жизни она сейчас ценила, была свобода.

Линт покачал головой.

— Как будто Исток специально лишил тебя этих связей… Фэйри в Альвхайденгарде сказали бы, что ты стала его инструментом.

— Меняющим картину мира? — Тара даже улыбнулась.

— Понемногу мы все ее меняем, — он улыбнулся в ответ. — Просто у каждого своя роль в этом. Но от неправильной наемницы, родившейся в вольном городе Оксморе и сдружившейся с фэйри, всякого можно ожидать.

— Ты так хорошо разбираешься в наемниках? — невольно вырвалось у нее.

— Немного разбираюсь. И в наемниках, и в авантюристах. Когда мы только начали отстраивать Альвхайденгард, только-только стали встречать людей, узнали, что у вас здесь очень сложная для фэйри система народов, королевств, разных языков, верований и традиций, юному фэйри было очень сложно сдержать свое любопытство. Тем более в то время мне казалось, что магия в мире, где она существует только в сказках, сделает меня неуязвимым.

— И ты что же… — ей вдруг стало смешно, — сбежал из Альвхайденгарда, чтобы посмотреть, как живут люди?

Она невольно перевела взгляд на Лайрин и Дара, уже улегшихся спать с другой стороны от очага. Линт проследил за ее взглядом, вздохнул и сказал:

— В свое оправдание могу сказать, что и в самом деле умел гораздо больше, чем эти двое, и мог себя защитить. Или удрать в любой момент. Дело не в трусости, — поторопился он оправдаться, — бывают ситуации, когда другого выхода просто нет.

— Как с обвинением в воровстве, — Тара кивнула, — ты же мог бы вытащить Дара с помощью перехода?

Линт покачал головой.

— Слишком много железа везде. Пришлось бы плести переход в клетку, где его держали — это не так сложно. Ее как раз было хорошо видно. Но потом оттуда куда-нибудь, да хоть бы и сюда, на это поле, открывать переход сложнее. Железо имеет странные свойства. Оно не поглощает магию полностью, но если фэйри, оказывается, им окружен, сплести что-то, что будет действовать за пределами, например, клетки, почти невозможно. Оно вроде бы и не лишает сил, но постепенно их тянет. Ну и, что бывает, когда железо касается фэйри, ты видела.

Тара молча кивнула, подумав, что знает о железе еще кое-что, чего не знает даже Линт.

Между тем он продолжал:

— А еще железо никак нельзя зачаровать. Я могу… — он помедлил, как будто размышляя, рассказывать или нет, но все же продолжил, — могу заставить медь стать золотом. Или, наоборот, серебро сделать медью. Энергозатратно, но ничего невозможного в этом нет…

— Слитки, за которые ты выкупил Дарвайн'эла, — Тара даже сама удивилась своей догадке. — Ты превратил медь в золото? Вот так просто за пару часов?

— Ну… не сказать, что просто. Резерв сил я истратил тогда полностью. Оставалось надеяться, что судья не поменяет своего решения. Иначе бы пришлось вытаскивать его с виселицы как раз переходом. Это был запасной план…

— Хорошо, что все обошлось, — заключила она, вспомнив, какие мысли ее в тот момент посещали.

— Да уж… Я все думал, как утащить с собой и Дара, и Лайрин, если придется дождаться начала казни. И, прости, как быть с тобой, если придется захватить и тебя с собой. Все же когда я впервые использовал этот трюк, нас было только двое. И особо заботиться о том, что подумают свидетели, я не собирался.

— Двое? Ты и… Сэлэми… — несколько секунд они смотрели друг на друга. Она угадала и как-то поняла: пришло время для этого разговора.

Последние дни перед Тсам-Храйдс многие считают сакральными. Время быть честными друг перед другом, время, когда становится понятно, обретенные связи будь то дружба или нечто большее, имеют ли право на дальнейшее существование, или судьба лишь на короткий миг свела двух случайных знакомых. Эти мысли пришли Таре в голову, и тут же она подумала, что в поверьях о Тсам-Храйдс, древнем празднике, появившемся еще до того, как даже обра-

зовалось королевство Хортланд, а первый король сел на его трон, есть что-то сродни Истоку фэйри.

— Я хочу просить тебя о помощи, Тара, — проговорил, наконец, Линта'эл, — хочешь, мы заключим контракт. В любом случае я обещаю, что не останусь в долгу.

Она лишь молча смотрела на него в ожидании, что он скажет дальше.

— Шайсары в землях людей, смерть Сэлэми… Я опоздал всего на каких-то две недели. Но пришел куда надо как будто случайно. Мне надо вернуться туда, к столице и во всем разобраться. И я хочу просить тебя о помощи. Завтра мы доберемся до Сонневейка. Я бывал там. Деревня смешанная. Там и люди, и фэйри. В Эритию все равно не успеем. Отпразднуем хоть там. А после Тсам-Храйдс Лайрин'айт и Дарвайн'эл отправятся в Альвхайденгард, переходом.

Тара скептически покачала головой:

— Думаешь они, — она кивнула на близнецов, — согласятся на такое?

— Я дам им важную миссию. Передадут сообщение рэйн Эйверин'айт. О Сэлэми и о шайсарах. Они были там с нами, проникнутся важностью. А потом я вернусь в лес за Нумайиром. И потом мне потребуется все же добраться до столицы. Там есть тот, кто если не знает, что происходит, то может как-то прояснить ситуацию. И мне нужен кто-то еще, кто хорошо знает Хортланд. Еще одна пара глаз и рук. И подожди давать ответ. Я не заставлю тебя соглашаться вслепую. Все, что знаю о шайсарах и о Сэлэми, я тебе расскажу, если ты готова меня выслушать.

Тара знала, что не откажется. И выслушает, и согласится помочь. Уже сейчас знала. Что это? Тот самый Исток, который направляет свои инструменты, чтобы что-то изменить в этом мире? Или ее собственное желание узнать и понять? Или… желание, не имеющее ко всем этим тайнам и загадкам никакого отношения?

— Я в любом случае согласна тебе помочь. И выслушаю тебя, — ответила она, — об остальном поговорим, когда я буду знать, о чем идет речь.

***

Линт поежился, в его глазах отразилось пламя очага, на мгновение сделав черты его лица резче. Он глубоко вдохнул, как будто собирался нырнуть, а потом проговорил:

— Шайсары не могли перебраться сюда сами… Их кто-то привел. Кто-то из фэйри. Тара, а вдруг окажется, что людям от фэйри больше вреда, чем пользы?

— Ты этого боишься?

— Не знаю… Помнишь, как к фэйри относились в Тирлине? Да и не только там. Может, этому есть какая-то причина?

— Люди умеют ненавидеть без причины, — проговорила она, — просто потому, что вы другие. Потому что живете дольше. Потому что любой фэйри красивее даже очень красивого человека. Этого достаточно…

— И магия… не забудь про магию, — Линт усмехнулся. — Это зависть, я понимаю. Далеко не каждый фэйри в Хортланде может показать и объяснить, как работает магия. Далеко не каждый человек будет его слушать. Я бы даже сказал, ты единственный человек, который спокойно выслушал и про магию в целом, и про вин'эсаль. Обычно того, чего не понимают — боятся. А страх порождает ненависть.

— Вин'эсаль… — повторила Тара, вспоминая их давешний разговор, — я тебе должна кое-что сказать. Это касается вин'эсаль…

— Если ты о близнецах или об отношении к ним или… Тара, они мне давали обещание, что не посмеют никогда… — торопливо заговорил он. И она увидела в его глазах глубоко спрятанный страх, — и я сам никогда бы… я же обещал.

— Это неважно! — перебила она его, вытаскивая из-под рубашки шнурок с железным кругляшом. — Когда мы столкнулись с Беспалым Ником, там в лесу, где он останавливался на ночлег, он говорил со мной. Пытался убедить, что я во власти вашей магии, потому так

защищаю. А потом повесил мне на шею это. Он железный, — тут же предупредила она, — Ник сказал, что это амулет от вашего вин'эсаль. Что с ним я избавлюсь от вашего влияния и с утра уже не почувствую к вам ни привязанности, ни каких-то еще теплых чувств…

Линта'эл посмотрел на нее с сомнением. Страх исчез, его сменила надежда, такая хрупкая и едва уловимая, что Тара ей поразилась, не понимая, с чем же она связана.

— Ник и его люди… они же как-то проверяли действие этих амулетов и были уверены, что сработает. Но утро пришло, а ничего не изменилось. И амулет я не снимала.

— Может, — он напряженно поджал губы, — они на самом деле не действуют?

— Нет, я думаю, как раз все в порядке. И ты же сам говорил, что у железа много разных свойств, связанных с вашей магией. Вероятно, это одно из них. Просто… Все дело в том, что у меня уже был такой амулет. Ты забыл?

Тара вытащила цепочку с кольцом, в свете очага блеснула наполовину затертая надпись: "Бароном быть пренебрегу!" Линт снова невольно подался вперед, протянул руку, но ни кольца, ни амулета не коснулся. Остановился. Посмотрел странным взглядом, в котором смешалась внезапная, непонятно откуда взявшаяся радость и окрепшая надежда.

— Ты думаешь…

— Можем проверить, — сказала она, — на это плетение у тебя ведь сил сейчас хватит?

— Ни за что! — он тряхнул головой. — Специально — ни за что! Предпочту поверить тебе на слово!

Она усмехнулась, спрятала кольцо и амулет обратно под рубашку. А Линт вдруг совершенно серьезно проговорил:

— Спасибо.

Она лишь пожала плечами:

— Извини, я перебила тебя.

Хотел ли он возвращаться к своему рассказу? Таре показалось, что не очень.

Тара. Глава 3, в которой Тара заключает новый контракт

Некоторое время они сидели молча, любуясь пламенем. А потом Линта'эл произнес:

— Фэйри пришли не с севера. Мы и сами не знаем, что находится дальше северных островов. Вечные льды или все же есть какой-то континент… И о вашем мире мы знаем не так уж много. За двадцать пять лет, даже владея магией, не много-то выяснишь, сидя в Альвхайденгарде. Наш мир — это не северный континент, и даже не какие-нибудь мифические земли на западе. Это… У нас были свои моря, океаны, земли, горы и леса, пока в Черную эпоху все это не превратилось в мертвый камень. Я сам не знаю, как это объяснить проще, ведь даже фэйри понятия не имели о том, что между мирами можно открыть переход, портал. И что эти другие миры вообще существуют…

— Может быть, это как говорят последователи Пятерых, — задумчиво проговорила Тара, вспоминая сказки, услышанные в далеком детстве. Не те, что любил дед: о воинах и королях прошлого. А другие, сложенные в тихие песни, которые пела мать. — Есть земля человеческая — мир людей, есть занебесная — мир богов, а есть запредельные земли, в которых свои боги и свои люди.

— Похоже, — с готовностью согласился Линт, — про запредельные миры. И ваш, и наш мир породил Исток. Некоторые фэйри говорят, будто всё, происходящее с нами или вами, в нашем или вашем мире — это его фантазия. Потому что сотворённое нами с Благословенным Эльлисаром стало бы самой больной и жестокой из всех возможных фантазий.

***

— Наш мир умирал. По-настоящему. Началось все с войны между Великими Дворами. Файрин Двора Лета создал из обычного напитка нечто, способное замутить разум. И воспользовался этим, чтобы заставить дев из других Дворов любить его. Это не легенда. Настоящая наша история. Так странно, что в каком-то смысле она повторяется с людьми. Нарад'эл, этот самый файрин, опаивал дев специальным зельем, и они не могли сопротивляться вин'эсаль. Многим это не понравилось. Тем более что спустя время девы теряли разум. Из-за этого вспыхнул первый конфликт. Двор Лета тогда сильно пострадал, Нарад'эл погиб в одной из битв. Казалось бы, все закончилось. Но увы. Прецедент случился. И не знавшие до этого войн фэйри научились решать таким образом свои разногласия.

Магия, которую мы должны были использовать на благо, стала оружием. И ты даже не представляешь, насколько разрушительным оно может быть. Появились Проклятья, способные уничтожить целые города. Пропасть, Небесные воды, Иссушающая смерть. Каждый из семи Великих Дворов что-то придумал такое, от чего не было спасения. И однажды на тех землях, где были использованы Проклятия, магическая ткань мира, и без того поврежденная, перестала восстанавливаться. Мы считали, что это временное явление. Но вскоре увидели, что мертвые земли все ширятся, а наши владения уменьшаются. Но и это не сразу остановило Войну Дворов.

Двор Сумерек творил в Черную эпоху много зла. Переход был их магией изначально. Эти чары служили для связи между Дворами, раскиданными по нашему миру. Но искаженные прожигали ткань мира также, как Проклятья. Еще они научились забирать внешность умирающего, с последним его вздохом. С внешностью приходили и манеры, и голос… в общем, все. Отличить натянувшего личину от оригинала было тяжело. Имея возможность открыть переход куда угодно, украсть чью угодно внешность, можешь себе представить, что делали фэйри Сумерек в Черную эпоху, когда как будто забылась даже разница между добром и злом. Но даже тогда то, что они творили показалось, всем чем-то за гранью. Несколько Дворов собра-

лись, чтобы уничтожить Сумерки. Двор был истреблен, их резиденция пала под Проклятием Пропасти, а земли очень быстро омертвели. И вот тогда оттуда впервые пришли шайсары.

Это было последнее Проклятие, которое вызвал истребляемый Двор. Твари зародились там, где когда-то стояла резиденция Сумерек. Никто не знает, как они размножаются. Ты и сама видела, они не живые. Дарвайн и Лайрин правы. Шайсары — не звери. Им не нужна еда и вода. Они существуют без них в мертвых землях. Их привлекает магия и жизнь. Они поглощают и то и другое, стремятся это уничтожить везде, где найдут. Но что дарит им силы — неизвестно.

Мертвые земли и шайсары… Представь себе, что остановить войны и конфликты никому не пришло в голову. Шайсаров восприняли просто еще одной угрозой. Никто не представлял, какие масштабы эта угроза примет…

— Это так… похоже на людей. Мы не такие уж и разные, если так подумать. Но мне… сложно поверить твоим словам после всего, что рассказали Лайрин и Дар про Альвхайденгард.. И вообще, после знакомства с вами троими. Как будто это какие-то другие фэйри…

— Отчасти так и есть. Сменилось поколение, прежде чем файрины разных Дворов стали осознавать, что мир погибает, а они завязли в старых конфликтах, которые начались еще до их рождения. А объединить усилия и попытаться спасти хотя бы то, что есть, Калиад'эл задумался первым. Он и сейчас файрин Объединенных Дворов Альвхайденгарда. А тогда был самым молодым из файринов Великих Дворов. И правил Двором Ночи. Он попытался еще тогда договориться со всеми, объединить силы. Но было слишком поздно. И уж я не знаю, как так вышло, что однажды открытый переход привел его в ваш мир. Сам Калиад'эл сказал, что это случайность… Варго'эл говорил, что это путь, открытый для нас Истоком. Сэлэми в самые темные времена говорил, что Исток не хочет нашей гибели. Видимо, так оно и есть.

— Варго'эл… Так, кажется, зовут канцлера королевы? Тот, кто был послом… Про него ходит много разных слухов, — Тара поморщилась, кроме слухов были еще так любимые в народе анекдоты и непристойные песенки о связи канцлера-фэйри и королевы. — Ты его знал? Или знаешь…

Старое воспоминание, как когда-то с леди Касс она побывала во дворце после победы в Узмире увидела королеву, короля-консорта и даже канцлера, беловолосого фэйри с такими же белыми, как его волосы, бровями и ресницами и льдисто-голубыми глазами. И тут же перед глазами возникла еще одна картина: мертвый беловолосый фэйри на земле среди ночного леса.

Лайрин и Дар лишь по внешнему виду Линта в первую встречу определили Двор, к которому он принадлежит, как и он сразу знал, кто они…

— Сэлэми и Варго'эл… — проговорила она, внезапно что-то поняв, но не до конца осознав, что именно, — они…

— Принадлежат к одному Двору. Двору Звезд.

— Постой… Ты из Двора Ночи, как ваш файрин? Ты же сам говорил, что в одном Дворе в той или иной степени все фэйри родственники? Ты что…

Линт прикрыл глаза, качнул головой и заговорил так, словно ему было неприятно об этом говорить:

— Я принадлежу Великому Двору Ночи. И рэйн Калиад'эл, файрин Альвхайденгарда — мой родной брат.

— Ты что… что-то вроде… хм… принца? — Тара с трудом заставила себя произнести это, так не вязался у нее в голове этот фэйри с подобным титулом. И в то же время было ведь с Линта'эле что-то такое…

— Тара, нет! — он сказал это достаточно резко и громко.

Заворочалась на своем месте Лайрин. Забубнил Дар:

— Пропасть, ты поспать нам дашь, рэйн Линта'эл из Великого Двора Ночи?

Линт бросил в его сторону быстрый взгляд и сказал:

— Нет у фэйри принцев и принцесс. Один фэйри Великого Двора может быть файрином, а другой… ничего особенного из себя не представляет. У меня нет никаких привилегий. Я же говорил! Принадлежать к Великому Двору — это не то же самое, что быть аристократом в Хортланде… Прошу тебя, пожалуйста! Не проводи подобных параллелей.

Таре почему-то стало смешно и неловко, но она согласно кивнула.

— Поэтому я и не хотел, чтобы Дар и Лайрин озвучили предмет своего спора, — вздохнул он с видимым облегчением.

— О, Исток! Вы спать будете сегодня? — возопила Лайрин.

Тара и Линт переглянулись. Он вздохнул и спросил вполголоса:

— Хочешь спать? Я могу продолжить завтра?

— Ну уж нет! От любопытства я не умру, но заснуть теперь уже точно не смогу! — она указала в дальнюю часть амбара: — Там мы не будем никому мешать.

В стороне от очага стало еще прохладнее, и Тара развернула плащ, чтобы можно было на него сесть и укрыться вдвоем. Приподняла полу и пригласительно махнула рукой.

— Ночь сегодня не их теплых, — заметила она.

Линта'эл поколебался, но все же уселся рядом. Так вдвоем в самом деле было теплее.

— В общем, нам повезло… Исток создал для нас этот путь. Нам повезло. Исток почему-то решил, что мы ему все еще интересны даже после гибели нашего мира. Вот так мы попали на острова. Переходом вроде того, что я открыл в Эритию.

— Я слышала, на островах в северном море раньше никто не жил, как и на той земле, где появился Альвхайденгард. Там ничего не росло и не было животных и птиц, потому что нечего есть. После мертвых земель… не лучшее все же место…

— Это был выбор Калиада, когда он узнал, что у этого мира есть хозяева. Он сам посчитал, что мы имеем право лишь на подобное место. В наших силах изменить его, вдохнуть в него жизнь. Это справедливо после гибели Эльлисара. Остальные файрины его поддержали. Ну может быть не все, но Эйверин'айт из Двора Дня и Арлайн'эл из Двора Осени согласились, а возражать уже этим троим не стал бы никто.

— Говорят, Луи'занэр похож на цветущий сад, — вспомнила Тара то, что рассказывали про открытый для торговли с фэйри город на границе их земель, — и таких не бывает в людских королевствах. И Лайрин с Даром говорили, что в ваших городах нет стен и ворот… Хотелось бы мне посмотреть на страну, где не надо защищать города высокими стенами, а дети не знают… что такое повешение, — произнесла она и умолкла, смутившись, что произнесла это вслух.

Следующую мысль о том, как ей жаль, что людей в Альвхайденгард не пускают, она уже озвучивать не стала. Линт ничего не ответил на это, просто немного помолчал, прежде чем продолжить.

— Калиад'эл надеялся воссоздать здесь что-то вроде нашей Белой эпохи, когда не было войн, мертвых земель и шайсаров. Мы ничего о людях не знали. И издали вы казались похожими на нас… просто лишенными магии. Конечно, мне запрещали даже думать о том, чтобы посмотреть на то, как живут люди, поближе. Даже не запрещали, скорее взывали к голосу разума. Любопытство оказалось сильнее. К тому же мне казалось, иллюзией можно скрыть внешность, а магия защитит от всего. И Сэлэми меня в этом поддержал. Знаешь, фэйри Звёзд — те, кто остался после всего, что было с ними в Чёрную эпоху, — получили от Истока своего рода дар: предугадывать будущее. Правда, лишь на короткое время. Зато они все хорошо знали, как умрут. Не когда, а от чего. Сэлэми однажды рассказал, что будет убит шайсарами. Обмолвился. И один раз это едва не произошло на моих глазах. Мертвые земли, шайсары, безвыходная ситуация, и фэйри Звезд, пытающийся зажечь себя факелом. Но тогда все обошлось. А в мире людей не было шайсаров. И мы даже сумели посмеяться над этим его видением смерти. Ничего не предрешено, жизнь оказалась сильнее, никогда смерть не может быть лучшим выходом. Мы в этом поверили снова…

Тару словно волной накрыло его глухой печалью. Что-то она поняла из его сбивчивого рассказа. Что-то пришло как будто само. Оксмор, пообещав, что никогда больше не придет с Искренниковых гор орда? А дикари бы пришли откуда-то с другой стороны, такие же неистовые и яростные?

— Как получилось, что вы расстались? С Сэлэми? — спросила она после долгого молчания. — Ты ведь искал его в Хортланде, когда столкнулся с Лайрин и Даром? Поссорились? Что произошло?

— Мы не ссорились, — Линта'эл покачал головой. — В этом как-то замешан Варго'эл, но я не знаю как. А потому хочу добыть доказательства того, что в землях людей есть шайсары, а потом прийти с ними к нему за ответами.

— За ответами? К канцлеру королевы? — Тара не знала, чего в ее возгласе было больше: удивления, восхищения или веры в то, что это невозможно.

— Вот послушай, — он как будто собрался с мыслями и снова заговорил, уже как будто более обдуманно и менее эмоционально: — помнишь, что случилось с первым посольством от фэйри в Хортланд?

— Не забывай, это было очень давно. А я — не фэйри. Я была ребенком и жила далеко от Хортланда.

— Калиад отправил первых послов. Нам казалось, что все шло неплохо. Тогдашний король Хортланда их принял, они даже обменялись какими-то дарами. Но за стол переговоров не сели. Всех фэйри того первого посольства убили прямо во дворце. А с магическими вещами и артефактами, которые были при них, не знали, что делать. И просто избавились от всего. Варго'эл и до того, еще в Эльлисаре, демонстрировал свой талант предвидения, гораздо более сильный, чем был у остальных фэйри его Двора. Мне кажется, он нашел какой-то способ его поддерживать. Это означает, что он нашел способ умирать, попадать на поля Забвения, а потом возвращаться обратно. Никогда не слышал о такой магии. Но когда у всех этот дар ослаб практически совсем, он продолжал им пользоваться. Именно он сказал, что нам нужно изолироваться от людей, его идеей было окружить Альвхайденгард завесой и пологом, которыми когда-то Двор Осени защищал свои границы, и на суше, и на море. Поэтому исчезали армии и пропадали корабли. Люди не видят магии и никогда не смогут пересечь границы Альвхайденгарда. А когда все утихло, и Калиад решил снова рискнуть, потому что жить в изоляции от целого континента все равно нельзя, Варго вызвался возглавить посольство. Не знаю, как он уговорил моего брата… Но, видимо, ему было что сказать. Хортланд к нам смягчился. Можно было и путешествовать, и торговать. Даже желающие покинуть Альвхайденгард фэйри Малых Дворов стали потихоньку переселяться в Хортланд.

— Вот… — Тара вспомнила вопрос, который все время хотела задать, но все не находила времени, — почему? Зачем фэйри стали покидать Альвхайденгард, если…

Она смешалась, пытаясь сформулировать, но Линт понял, что она хотела сказать.

— Если в Альвхайденгарде так хорошо, как тебе показалось по тому, что говорили близнецы? Да… Это сложный вопрос. Тут много разного смешалось. Неплодородные земли, требующие много магии и сил, чтобы их можно было обрабатывать. Суровый климат, который, конечно, подправили общими усилиями, но далеко не во всех частях Альвхайденгарда так же, как в Кэл'эстрии или Эншел'энсане. А еще… потеря доверия. Пока не было альтернативы, Малые Дворы выбирали себе сюзерена, как выбирают меньшее из зол. Но многие пострадали в Черную эпоху…

Тара грустно усмехнулась:

— Не поделили что-то Великие Дворы, а воюют за них Малые?

— Что? — Линт сначала не понял, а потом замотал головой: — Нет-нет! Ты что! Никогда Малые Дворы не брали оружия в руки. Это… против любых законов. Никто из них и не согласился бы. Великие и Блистательные Дворы обязаны хранить покой Малых, чтобы те могли

своими трудами поддерживать сюзеренов, — последнее он, кажется, откуда-то процитировал. — Многие… просто решили, что Великие Дворы не в состоянии “хранить их покой”. И они это показали в Черную эпоху, уничтожив Эльлисар. Можно ли винить их в том, что они посчитали себя свободными от каких-либо обязательств?

— Они вряд ли представляли себе, что в Хортланде хорош тот господин, который не дает плетей каждую седмицу, — вздохнула Тара.

Почему-то ей подумалось, что, наверное, фэйри Малых Дворов, а еще такие, как Линт, прижились бы в Оксморе. Что-то в законах, установленных Лотаром Железным Рогом в его Вольном городе, было схожее с законами, по которым жили фэйри.

— Как бы то ни было… Мы теперь могли путешествовать по Хортланду открыто, а не под прикрытием иллюзии и вуали. Представь себе, остановить нас было некому. Мне были любопытны люди, а Сэлэми хотел увидеть этот мир со всеми его красками… Он ведь рисовал… Я никогда не видел, чтобы кто-то так рисовал. Это и рисунком не назовешь.

Он снова вытащил из-за пазухи знакомую Таре шкатулку, посмотрел на и со вздохом произнес:

— А сейчас от всего осталось только это. Я случайно в Лескхарпе увидел в лавке ювелира-старьевщика. Была еще книга с рисунками. Но затерялась где-то во время нашего Исхода из Эльлисара. Может статься, что и осталась там, в мертвом мире. Как и стены павильона Звезд в резиденции Двора Ночи… Сэлэми почти не рисовал здесь. Говорил, что хочет понять этот мир и его цвета. Делал наброски… В общем, мы отправились в Хортланд с одним из Малых Дворов… Добрались с ним до Эритии. Те фэйри здесь и осели, в Сонневейке. А мы отправились смотреть мир. И как водится, вляпались, не зная ни законов, ни порядков. Тогда как раз я много чего узнал о баронствах и правосудии. А еще об авантюристах. И о том, как можно вот так же, как Дарвайн’эл, стать чьей-то собственностью. Нас угораздило завести в трактире спор и ссору с аристократом. Кажется, даже не титулованным. Представляешь, что было?

Взгляд Тары был красноречивее слов. Линт не стал дожидаться, пока она найдет что сказать, и продолжил.

— Судья также назначил цену за наши жизни. Поверь, я тоже не понимал особо, что нас ждет. Да и ценность денег осознавал очень смутно. Нас и купили. Авантюристы. Вернее, одна из авантюристов. Ее звали Гелла. Сейчас я понятия не имею, зачем она это сделала. Может, хотела что-то вроде… хм… необычных питомцев. В любом случае я решил повременить с бегством. Сэлэми, когда понял, какая опасность нам угрожала, лишь заставил меня пообещать, что я нас обоих вытащу переходом куда-нибудь в пустоши Альвхайденгарда.

— Поссориться с аристократом? Попасть в… рабство к авантюристам? Линта’эл! — Тара, наконец, обрела дар речи. — Да Лайрин и Дар вполовину меньше бед накликали на свою голову! Авантюристы… Это не наемники гильдии. У них, пока они не примкнули к какой-нибудь наемной армии, ни законов, ни чести, ни… вообще понимания никакого добра и зла. Если бы…

— Да глупо, конечно! — ответил он. — И мы, правда, не умнее были. Вот я и хотел уберечь этих двоих от тех же ошибок. И… не принимай только близко к сердцу, не думал я, что наемники сильно от авантюристов отличаются. Тот же Ник, например… не шибко далеко ушел…

— Я… неправильная наемница, — нехотя сказала Тара и посмотрела на него выжидающе.

— Все не так ужасно вышло. Гелла была из какой-то аристократической семьи. Обращалась не как с рабами… Ну как со слугами, что ли. Сначала это было даже забавно. Она о многом меня просветила, многое показала и рассказала. И вроде бы… мы даже сдружились сначала. А потом… — Линт поморщился, будто не хотел говорить, но все же сказал: — Вин’эсаль…

— Если не хочешь, не говори, — попробовала остановить его Тара.

— Нет, это важно, — Линт покачал головой, — чтобы ты поняла, что произошло потом, мне придется рассказать. Я сплел вин'эсаль, а она ответила. Не магией, а как человек. Любовью это не назовешь, наверное. Но я принял это за любовь. И она тоже. Это было странно и как-то… похоже на болезнь. Сейчас мне кажется, что, наверное, что-то такое испытывал Нарад'эл, файрин Двора Лета, заваривший кашу, с которой началась Война Дворов. Может, ему хотелось, чтобы его вот так любили, и не понимал, что это ненастоящее чувство. И получать силу того, кто считает, что отдает тебе ее добровольно. От этого очень тяжело отказаться.

— Но ты отказался…

— Я понял, что наношу вред. Моменты эйфории сменяются апатией, а потом безразличием. А безразличие начинает превращаться во что-то другое. Отвращение… и даже ненависть. Пока снова я не сплетал вин'эсаль. А потом Сэлэми напомнил мне эту историю про файрина Двора Лета. И я просто сбежал. Открыл переход для нас двоих, как мы и думали, в Альвхайденгард, в пустоши близ Кэл'эстрии. Мне было от себя самого мерзко. Даже думать о том, что произошло, было невыносимо.

Он скривился, как будто увидел что-то противное. А Тара теперь не нашла что сказать. Все стало на свои места. Его страх и слова, которые тогда засели у нее в голове. Ему показался ужасным тогда не сам факт того, что она может влюбиться, а то, что это может произойти из-за вин'эсаль, из-за магии. Испугался, что все может повториться. И взгляд, которым он смотрел на амулет и кольцо, когда она рассказала об их свойствах, Тара теперь тоже поняла.

— А в Кэл'эстрии ждали новости, — все же, собравшись с мыслями, продолжил он. — Теперь не только фэйри Малых Дворов могут открыто отправиться в Хортланд, но и Альвхайденгард примет дар уважения от королевства людей — двенадцать дочерей из лучших семей королевства пожелали стать частью мира фэйри. Мы тогда уже знали, что у людей и фэйри могут быть общие дети, и полукровки больше фэйри, чем люди. Значит, девы могут войти в разные Дворы. Это подавалось как честь и для нас и для них. Это была идея моей сестры. Той самой, — Линт усмехнулся, — слезы которой, по мнению женщин Хортланда, обладают чудодейственными свойствами возвращать их лицам красоту и молодость. Алин'юйт, моя и Калиада сестра, уже заняла для этого целый дворец, и восемь девушек уже жили там. А четыре — разъехались, став частью разных Дворов. Было сложно, но я попытался объяснить про вин'эсаль и про то, чем это все может закончиться для этих девушек. Наверное, надо было действовать как-то иначе. Быть политиком, интриганом, потихоньку искать доказательства. Так мне посоветовал один знакомый фэйри, скрыто ставший на мою сторону. Я допустил ошибку. Обвинил открыто Алин'юйт… причем в моих обвинениях не было логики. Потому что я не знал, чего она хочет. Вспомнил одно старое обвинение, тоже выдвинутое мной против нее открыто. Калиад разозлился. А Варго'эл, в тот момент вернувшийся ненадолго из Хортланда, внезапно стал на сторону Алин'юйт. И… это было странно, но я видел — он знает обо всем. И все, что я говорю — истина. А Варго, всегда говоривший правду, как бы неприятна она ни была, за что он и заслужил уважение и доверие моего брата и многих других, солгал! Я не знаю, как произошло, но Алин согласилась ответить на три вопроса под нитью правды, плетением, выявляющим любую ложь, но только если задавать вопросы будет Калиад. И она прошла проверку. А дальше спрашивать ее мой брат запретил. Мы ссорились из-за этого несколько раз. Мне было не до того, что происходит с другими. Я хотел доказать свою правоту, как будто это могло как-то очистить мою совесть… Я даже не придал значению случайно услышанному разговору. Сэлэми спорил с Варго. Я не понял о чем, даже не обратил тогда внимания. Только одна фраза и осталась в памяти: "Ты можешь пытаться быть кем угодно, но если Исток решил, что твоя смерть приведет к лучшему исходу, ты умрешь. Иногда это единственное, чем ты можешь послужить миру". Я должен был поговорить с Сэлэми. Узнать, чего от него хотел Варго и почему. Но был слишком занят своими мыслями. А весь ужас осознал того, что случилось, осознал, когда Сэлэми пропал. Просто исчез, не сказав ни слова, не оставив записки или…

да хоть чего-то! А в его комнате я обнаружил уже почти растаявший след перехода. Но отследить его не смог бы уже никто. Свежий переход можно отследить, и даже пройти следом. Но такой… из тех, кого я знал, кто умеет плести эти чары, не сумел бы сплести так. Это была чистая неискаженная магия. То, что нашли мы когда-то, рвет ткань мира. А этот был настоящий… Истинная магия Двора Сумерек. И Варго'эл уже покинул Альвхайденгард. Я еще раз попытался достучаться до Калиада, но мы снова поругались. И я просто отправился на поиски, один. А теперь…

— Думаешь, Варго'эл что-то знает?

— Не может не знать, — Линт посмотрел на нее, — и я должен понять, что происходит. Откуда взялись шайсары посреди Хортланда. Что случилось с Сэлэми и почему, если его кто-то отправил в Хортланд без его желания, он не попытался вернуться сам или как-то отправить весточку, связаться со мной или с кем-то в Альвхайденгарде. Откуда взялась неискаженная магия Сумерек… Что скажешь теперь? Хочешь контракт и оплату за каждый день? Согласишься помочь мне? Я постараюсь выполнить любые твои условия… Деньги — ты знаешь, что это не проблема. Хоть золото…

— Я не нуждаюсь в деньгах, — ответила Тара, — вексель для выкупа Дара был взят в счет моих сбережений. Но ты за него заплатил, и они остались при мне. А я… если честно, понятия не имею, на что их потратить. Как договариваются фэйри?

Линт неуверенно пожал плечами:

— На словах. Так повелось со времен Белой эпохи, когда Двор Равновесия и Тени могли разрешить любой спор. Так и осталось… Ты…

— Я тебе помогу. Останусь с тобой, пока буду тебе нужна. Оплата… Пообещай просто, что мы сможем однажды о ней договориться.

Он посмотрел долгим, пристальным взглядом, словно хотел что-то спросить. Но вопроса так и не задал. И Тара даже была рада этому, потому что не смогла бы честно признаться, почему согласилась. Ей для этого оказалась не нужна никакая магия, никакой вин'эсаль.

— Хорошо. Тариана из Оксмора, я обещаю, исполнить в качестве оплаты за твою помощь то, что ты пожелаешь, если это будет в моих силах.

— Линта'эл из Двора Ночи, обещаю, что буду сопровождать тебя и помогу тебе выяснить, все, что возможно.

Тара. Глава 4, в которой герои решают идти в Сонневейк, а попав в него, решают, что оставаться здесь не стоит

Утром их разбудил щебет птиц. Непогода улеглась, гроза прошла, тучи развеялись. Новый день встретил снова чистым небом и ярким солнцем. Даже грязь уже слегка подсохла.

Трава блестела каплями росы, и в воздухе витал свежий, влажный аромат земли после дождя. Над полем лениво кружили жаворонки, а в траве копошились какие-то мелкие зверьки. То ли суслики, то ли зайцы.

Завтрак показался бы когда-то Таре истинно фэйрийским: яблоки, которые Линт заставил созреть с помощью магии, и остатки собранных вчера ягод. Но о том, что в их рационе присутствует во вполне человеческих количествах мясо, да и от выпечки они никогда не отказывались, она уже знала.

Тем более Дар все утро стенал о том, что у них не осталось ни захудалой сухой лепешки, ни кусочка мяса, и он обречен на голодную смерть в пути.

Лайрин же восприняла все более сдержанно и, закончив трапезу и сборы, глянула в сторону поблескивающей лужами дороги, что виднелась за редкими кустиками в стороне от амбара:

— Ну что? В какой стороне Эрития? Куда идем?

— В Сонневейк, — коротко, без раздумий ответил Линта'эл.

— Но Тсам-Храйдс! — хором возмутились близнецы.

— Первая ночь Тсам-Храйдс уже сегодня, а до Эритии три дня пути. Хотите праздновать посреди дороги или в лесу?

— Кто вчера говорил, что мы попадем на праздник в Эритии? — обиженно проговорила Лайрин.

— Мог бы и переход открыть, — поддержал Дар сестру.

— Головой в какой-нибудь пень я тебе однажды переход открою, рэйн Дайрвайн'эл, — огрызнулся Линт, и тут же напомнил: — так вы же и говорили. Я слова не сказал про Эритию. Лишь о том, что утром посмотрим. Вот и смотрим. До столицы герцогства три дня пути. Как раз весь праздник закончится. Лайрин, ну ты же всегда была умнее. Подумай сама, как нам лучше сделать?

Выражение лица Лайрин постепенно изменилось с расстроенного на задумчивое, и она, хоть и с неохотой, но согласилась:

— Да, оказаться ни там, ни сям радости будет мало… Дар, послушай, может нам и правда…

— Чего это она умнее?! Хочешь сказать, я сам не пойму, что лучше в этом твоем Сонневейке попраздновать?! — перебил ее Дарвайн. — Прям на это очень много надо ума…

— Ну, раз много и не надо, значит, все согласны? — спросил Линт.

Спор на этом, в общем-то, был закончен. Тара благоразумно промолчала. Кое-чему, например, подобному уровню умения манипулировать пусть даже всего лишь парой юных фэйри, ей бы еще следовало у Линта поучиться. Она же в первую очередь задумалась, что в Сонневейке можно было бы купить лошадей, а тогда и до Эритии добраться можно было бы за день. Да, прибыли бы поздно ночью. Но два полноценных дня праздника у них бы еще осталось.

Наверняка и Линта'эл это прекрасно понимал, раз так хорошо знает эти места. Однако решил, что Эрития им не нужна. Связано ли это было с тем, что он хотел побыстрее отправить неуемную парочку домой и заняться, наконец, серьезными делами, или же причиной этому

были ее слова и их вчерашний разговор, оставалось лишь гадать. Но в целом Тара была ему благодарна.

Было у нее какое-то предчувствие, очень неприятное, тревожное. Как будто что-то вот-вот должно было произойти, что-то, что затронет их всех. Охота Беспалого Ника на фэйри, разговор с леди Касс, враждебное отношение к фэйри по ту сторону Грозового Хребта… И эти чудища из ночных кошмаров…

Да, лучше уж провести Тсам-Храйдс в тихой деревушке, в глуши. Отправить Лайрин и Дара в Альвхайденгард, и тогда уже заняться поисками ответов на вопросы.

Дорога пролегала между редким леском и невозделанными полями. Видимо, здесь земле дали отдохнуть в этом году. Размытая ночным ливнем дорога подсыхала. Но все же идти приходилось вдоль нее, постоянно то обходя кусты, то перебираясь через глубокие лужи.

Мысли Тары то и дело возвращались к ночному разговору. Фэйри, казавшиеся такими далекими от мира людей, где часто бывали войны и несправедливость, стали как будто ближе, понятнее. Могла она понять и фэйри Малых Дворов, которые в поисках лучшей доли покинули Альвхайденгард ради жизни среди людей.

И все же они были явно умнее большинства людей, так как после такой ужасной войны, погубившей в итоге целый мир, сумели прийти к взаимопониманию, спастись и в новом мире построить свою жизнь на том, чтобы дети не знали печалей и опасностей.

Может быть, дело в том, что живут они намного дольше?

Линта'эл же был уже взрослым, когда они покинули свой мир. А фэйри здесь уже четверть века… Тара поняла, что так и не знает, сколько ему лет. Он лишь в обычной своей манере осадил Лайрин и Дара, когда они попробовали мериться возрастом. Но так и не сказал конкретно.

Ей вдруг стало немного не по себе. Где-то она слышала, что фэйри живут и двести, и триста лет. Но ни разу об этом не задумалась. И стариков среди них ведь не было. Что, если их спутнику уже больше века? Она даже не знала, меняет ли это что-нибудь. Но от этой мысли ей стало неуютно и почему-то немного грустно.

Лайрин и Дар оказались от них на некотором расстоянии, преодолев очередную преграду — ветер повалил дерево прямо на дорогу. Оно не было прямо уж большим, а путники шли пешком, однако все равно пришлось обходить, углубившись в лес.

— Линт, — позвала она негромко, решившись, наконец, задать обеспокоивший ее внезапно вопрос.

Он обернулся, посмотрел выжидающе, как будто понял, что она хочет сказать что-то важное. И Тара поняла, отступать некуда.

— Сколько тебе лет? — все-таки спросила она, стараясь казаться не шибко заинтересованной, что ли.

Кажется, он немного удивился, задумался, как будто ему пришлось что-то подсчитать, она даже успела слегка расстроиться и подумать, что, видимо, действительно много.

— Сорок два, — ответил он. — Если считать, что год Эльлисара… в смысле мира фэйри, был таким же, как ваш. Но у нас на эту тему до сих пор многие спорят, — и заметив какое-то странное изменение выражения ее лица, тут же спросил: — А что?

По всей видимости, ее облегчение стало слишком уж явным. Она помотала головой, надеясь, что не покраснела как рак, и быстро ответила:

— Ничего-ничего. Просто стало любопытно.

— А… — протянул он как-то многозначительно. Так, что ей показалось, будто он понял, о чем она думает.

Только вот она сама не очень понимала, о чем. И вообще, какая разница, сто ему лет или же нет даже пятидесяти?

— Сколько еще до Сонневейка? — спросила она тут же, желая сменить тему, чтобы предыдущий вопрос остался в прошлом и вообще забылся.

— Доберемся до развилки, а там совсем недалеко. И дорога должна быть получше, — с готовностью ответил он, — да вон смотри, почти пришли.

Дорога вильнула, словно отстраняясь от леса, Тара увидела указатель — почти удивительную вещь в такой глуши. Но столб был крепкий и явно поставленный недавно, а на трех вытесанных из цельного куска дерева стрелках красовались четкие надписи: Хорвель (стрелка указывала на дорогу, уходящую в южном направлении), Кэтрилан (на север) и Сонневейк. Рядом с двумя первыми надписями красовались баронские гербы. А три дороги, расходящиеся в разные стороны, и в самом деле были получше. Пусть не мостовые, но засыпанные мелким камнем, они не превратились в грязное месиво.

Дар и Лайрин уже ждали их на развилке.

— Где вы там ходите?! — недовольно спросил Дар. — Так не доберемся и до вечера!

— Что вы там вообще делали? — прищурилась Лайрин.

— Боишься пропустить что-то и не узнать, выиграла ли спор, Лайрин'айт? — усмехнулся Линт. — Так, поверь мне, я очень постараюсь, чтобы ты ничего не узнала!

Лайрин фыркнула по-кошачьи и зашагала по дороге. Дар ухмыльнулся и поспешил за ней. Двинулись следом и Линт с Тарой. Последняя некоторое время думала, хочет ли она знать, о чем поспорили в очередной раз близнецы, но не желала вновь испытывать неловкость и искать потом тему для разговора, чтобы ее как-то сгладить, а потому решила ничего не говорить. Тем более что догадки у нее были.

Она шла погруженная в свои мысли некоторое время, пытаясь, кажется, понять саму себя. Почему ее так вдруг обеспокоил возраст Линта'эла, почему она считает, будто угадала, о чем поспорили близнецы, и как то, что они остались условно наедине пусть и на короткое время, связано со спором? Выводы, которые сами собой приходили ей в голову, не сказать, что ей прямо не нравились. Тара лишь надеялась, что все это никак не помешает ей исполнить обещанное.

И в этот момент она почувствовала — что-то было не так. Проселочная насыпная дорога, пасторальные пейзажи, мирные холмы, незасеянные поля, какие-то простые признаки того, что люди здесь живут и землю эту обрабатывают. Причиной того, что им никто не встретился до сих пор, могло быть совсем раннее утро, хотя обычно крестьяне летом встают еще раньше. Может, правда, решили выспаться перед ночью на Тсам-Храйдс.

Тут она поняла, дело совсем в другом.

В воздухе витал едва уловимый запах гари. Как будто что-то недавно горело, и пожар был сильный. Настолько, что даже ночной ливень не перебил этот запах…

Нехорошее предчувствие заставило ее пойти быстрее. В памяти снова всплыли последние детские воспоминания: сожженный город и разоренная долина. Она отогнала их, стараясь не думать об этом во всех подробностях.

Линт, кажется, тоже понял, что что-то не так, но скорее по тому, как она ускорила шаг. В итоге на холме, с которого открывался вид на деревню, они оказались раньше Лайрин и Дара.

— Что-то горит? — неуверенно спросила Лайрин, пошла к ним сзади, вздрогнула и замерла, увидев то, что предстало их взору.

Тара покачала головой.

— Нет, — проговорила она, — уже не горит…

От деревни осталось только пепелище. Вдоль двух улиц, расположенных крест-накрест, чернели обугленные остовы домов. Здесь было дворов пятнадцать, не больше. Но не уцелел ни один. Пламя не оставило ничего. Только кое-где виднелись почерневшие, сложенные из камней, а потому не сгоревшие дотла, очаги.

Они двинулись вперед, и под ногами зашуршала пыль, смешанная с золой, ветер шелестел в ветвях деревьев, поскрипывала каким-то чудом оставшаяся целой дверь, стоящая посреди двора вместе с косяком.

Тара обошла дверь, коснулась рукой оставшегося не разрушенным каменного цоколя.

— Прошло чуть больше суток, — сказала она.

Ладонь стала черной от копоти.

Лайрин молча озиралась вокруг с таким видом, словно ожидала, что из этих домов повыпрыгивают твари, подобные встреченному в лесу шайсару. Дарвайн что-то бормотал себе под нос. Линт сосредоточенно плел что-то. Взгляд был устремлен в пространство, и Тара решила ему не мешать, а пока просто осмотреться. Хотя и осматриваться было бессмысленно. Она переходила от одного двора к другому, обходило то, что осталось от домов и сараев, осматривала разоренные хозяйства. Было все это каким-то странным. Кое-где встречалось какое-то обгоревшее тряпье, побитая и закопченная посуда, но в целом было ощущение, что дома были обнесены подчистую до того, как их сожгли. И кое-что еще… животные. Да, от пожара собаки и кошки, вечно появляющиеся у человеческого или пусть даже фэйриного жилья, разбежались бы, какие-то бы погибли, но сейчас, когда все утихло, наверняка бы вернулись. А домашняя птица? А скотина? А лошади?

— Здесь нет никого живого, — раздался голос Линта'эла.

Тара обернулась к нему, он поймал ее взгляд и быстро с видимым облегчением добавил:

— Мертвых тоже нет.

Тара кивнула, всматриваясь в местность.

— Но тогда, где все? — спросил Дар, который тоже обошел несколько дворов. — Они же не сами свои дома подожгли…

Последнее было каким-то неуверенным. Линт и Тара промолчали. Почему-то озвученный Дарвайном вывод сам собой напрашивался. Непонятно только было, зачем селяне это сделали. Но дышать стало как-то легче. Они имели дело с загадкой, а не последствием трагедии.

— Линт, — в голову Таре пришла мысль, правда, она понимала, что вряд ли сам фэйри не подумал об этом, но все же решил спросить, — а если ты сплетешь ту магию… как в лесу, когда мы нашли… встретили шайсаров.

— Круг возврата, — ответил он, — так это плетение называется. Там… была кровь, помнишь? И шайсаров прах. И… тело. Мне нужно что-то такое. Хотя бы целая личная вещь…

Невдалеке послышался шелест нескольких десятков крыльев. Загалдели вороны. Тара обернулась на этот звук. Где-то за деревней стая ворон расселась на деревьях небольшой реденькой рощицы. Их там явно что-то спугнуло.

— А где Лайрин? — спросил Дар.

Сердце кольнуло нехорошее предчувствие, но тут же раздался голосок фэйри Лета откуда-то из этой самой рощи.

— Тут лошадь… мертвая…

— Я посмотрю, — сказала Тара, оставив посреди сожженной деревни Линта и Дара. В самом деле, зачем им всем любоваться на труп животного?

Тара пересекла главную улицу селения. За последними дворами начиналась рощица: несколько берёз, ив и диких кустов. Сквозь листву пробивался солнечный свет, и от этого все казалось мирным, если бы не вороны, перелетавшие с дерева на дерево и каркающие наперебой.

На опушке стояла Лайрин. Завидев Тару, она замахала рукой, при этом морщась и отступая на шаг назад. Находка явно пришлась ей не по душе.

— Здесь! — крикнула она. — Смотри…

Тара подошла ближе и сразу увидела — в траве лежала лошадь. Черная, крупная, с гладкой, ухоженной шерстью, совсем не похожая на сельскую тягловую клячу. На ней была тонкая уздечка с серебряной пряжкой, но без седла. По следам на спине Тара поняла, что седло бывший владелец снял. А вот с уздечкой возиться не стал.

Странным ей показалось то, как погибло животное. На виске темнело аккуратное отверстие, как будто обожженное по краям. Кровь текла только из него и давно впиталась в землю. Что могло нанести такую рану, девушка даже предположить не могла. Горящая стрела? Тогда где она сама? наконечник бы остался в ране. Стилет? Это какой силы должен был быть удар?

Тара покачала головой, присела рядом, провела ладонью по холодной шее животного и нахмурилась. Некрестьянская явно лошадь. Все же кто-то чужой был в деревне. Или не совсем чужой?

Лайрин все так же стояла в нескольких шагах и молчала. Вид мертвого животного ее удручал. Но она все равно не уходила, ждала, может ли она быть чем-то полезна.

— Зачем ее убили? — проговорила фэйри. — Просто животное. Я понимаю, когда шайсары. А это…

Тара вздохнула. Она как раз уже поняла, почему лошадь постигла такая участь. Но вот причина ее смерти была ей непонятна.

— Видишь, на одном из копыт нет подковы, и нога повернута неестественно. Лошадь потеряла подкову и сломала ногу. Всадник… решил таким образом от нее избавиться. Она бы все равно умерла, но долго бы мучилась, — и заметив, что Лайрин собирается что-то сказать, уже хорошо зная фэйри, все поняла и пояснила: — люди не умеют такое лечить по-настоящему. Она или умерла бы, или навсегда охромела и стала бесполезной.

Лайрин нахмурилась.

— Линт, наверное, прав. Мир людей слишком… жестокий, — внезапно выдала она.

Тара удержалась, чтобы не ответить. Вот как бывает. Сколько раз их пытались убить, нанести какой-то вред, несправедливо обвинить, похитить, в конце концов, а эта фэйри только сейчас, при виде убитого животного, пришла к мысли, что Хортланд — не самое лучшее место для увеселительной прогулки.

— Тара, а уздечка, как думаешь, Линту подойдет… ну для магии? Ее ведь тот человек держал в руках, и лошадь его… личная вещь, — с некоторой запинкой выдала Лайрин.

— Да, и правда, — Тара сняла с головы лошади уздечку, прилипшую к шерсти из-за засохшей крови, попутно размышляя о том, что в итоге увидели близнецы в мире людей и с какими мыслями они теперь покинут Хортланд.

Когда-то она и сама ничего хорошего не думала о королевстве, попав сюда из Вольных земель. Но все же она была человеком среди людей. Ничем внешне от них не отличалась. Да и Хортланд был на самом деле не так ужасен. Просто как будто что-то постоянно приводило их к таким ситуациям. Если не обвинение в воровстве и приговор, то разбойники, если не разбойники, то Ник и его подельники, если не Ник… ох, ну ладно, шайсары не являются людской бедой, это как раз что-то из мира фэйри. Но если не Ник, то теперь вот это: сожженная деревня и мертвое животное. А они-то всего лишь хотели попасть в столицу на праздник.

Они вернулись в деревню, где Линт и Дар пытались найти что-то, что навело бы на какую-то догадку.

— Вот, — Тара протянула Линту уздечку, — это кровь той лошади, было негде почистить, но, наверное, для той магии подойдет?

Он принял ее безо всяких колебаний и малейшей брезгливости. Хмурое выражение сменилось деловым, а глаза заблестели.

— Это даже еще лучше! — выдал он. — Даже по крови животного можно много чего увидеть и восстановить.

Плетение много времени не отняло, и вскоре на главной улице деревне задрожали, зашевелились, обрели формы и поплыли призрачные смазанные фигуры. Да, в самом деле, фокус был больше на лошади, чем на всаднике, а значит, магия именно ее определила хозяйкой предмета. Или же Линт специально наложил чары на кровь? В прошлый раз, подумала Тара, видимо, он так и сделал.

Отряд двигался между домами, и тот всадник, что был верхом на черной лошади, являлся его лидером. Однако фигуры были зыбкими, смазанными, даже количество людей в отряде оказалось невозможно определить. Но этот был явно из аристократов: меч и стилет на поясе, одежда, даже так было видно, что дорогая, да и амуниция на лошади не из дешевых, судя по уздечке. И что-то еще за спиной. Похоже на арбалет. Вероятно, он и есть, а плечи не видать из-за того, что фигуры постоянно дрожали и как будто распадались на несколько. Не было слышно, что они говорили, какие приказы отдавались, но по движениям всадника было видно его недовольство, гнев, даже ярость… А потом зажглись факелы… Всадник, видимо, с остальными, двигался от одного дома к другому, поджигая крыши, призраками возникающие у остовов, к которым он подъезжал.

— Это они спалили деревню, — сказал Дар то, что и так все поняли.

— Но жителей уже здесь не было, — вторил ему Линт с явным облегчением. — Как бы выяснить, где они все. В любом случае не стоит здесь оставаться.

— Подожди, — остановила его Тара, — ты сможешь сплести этот… круг возврата там, — она кивнула в сторону рощи, — я хочу кое-что понять…

— Можно просто поддержать это плетение и пойти за ними, — согласился Линт, — смотри, кажется, они в ту сторону и стягиваются.

Всадник в этот момент пришпорил лошадь, и она понеслась во весь опор в сторону рощи.

Линт дернулся за ними, увидев, как видение пропадает, стоит ему пересечь какую-то невидимую черту, но понял, что это бесполезно. Всадники двигались слишком быстро.

— Вышли из области действия плетения, — пояснил он.

— Ты сможешь создать эти чары снова? Там, возле… хм… самой лошади? — задумчиво глядя в ту сторону, где только что пропали смазанные призрачные фигуры, спросила Тара.

— Пошли, — кивнул он.

— Зачем? — с ноткой недовольства в голосе проговорила Лайрин. Ей возвращаться к лошадиному трупу не хотелось совершенно.

— Хочу понять, как ее убили, — пояснила Тара, — вернее, чем. Или… из чего.

Линт бросил на нее взгляд, но ничего не сказал. Что-то ей в нем почудилось, словно он был чем-то весьма доволен, хоть в общем ситуация к этому не располагала.

Вскоре они снова были на том же месте в роще, распугав вернувшихся к трапезе ворон. Теперь же пернатые, вспорхнув, расселись на ближайших ветках, устроив такой гвалт, что его пришлось перекрикивать. Кроме того, то одна, то другая птица пролетала совсем низко, едва не задевая их голов.

— Лайрин, Дар! Сделайте что-нибудь с птицами! — бросил им Линт.

— Давай, сестренка, птички тебя лучше слушаются.

— Вот же лентяй! — возмутилась Лайрин. — Мы учились одному и тому же!

— Займитесь делом! — рявкнул на них Линт, уже начавший снова выплетать то, что он назвал кругом возврата.

Лайрин покачала головой, выставив руки вперед и зашевелив пальцами, а Дар лишь ухмыльнулся и пожал плечами.

Воронье замолчало через несколько секунд, а потом резко, как по команде, сбилось в одну большую стаю и в полной тишине устремилось прочь. Слышалось лишь хлопанье крыльев, стихающее вдали.

Всадник появился вновь. И Тара от неожиданности даже отшатнулась, когда такой же смазанный призрак на черной лошади пронесся мимо нее. Был бы он настоящим, ее бы наверняка задело, а может, и сбило с ног.

Видно было, как передняя нога животного зацепилась за корягу. Лошадь споткнулась, потеряла равновесие и рухнула мордой вперед, подломив застрявшую ногу. Тара хорошо знала, какой бывает при этом звук. И пусть сейчас все происходило в полной тишине, ее передернуло.

Всадник вылетел из седла, перекатился по земле и остался лежать. Призрачные очертания на миг исказились, но через несколько мгновений к нему подбежала другая смутная фигура, помогла подняться, и тот, покачнувшись, встал, оттолкнул того, кто ему помог, быстрыми шагами пошел в сторону лошади, попутно из-за пояса вытягивая хлыст.

Лошадь тоже попыталась подняться, но передняя нога подломилась, тело дрогнуло, и она тяжело опустилась на землю, беспокойно задергалась прямо на том же месте, где и лежало ее тело.

Вот это было самым странным и неприятным. Видеть существо все еще живым и одновременно мертвым. Отвернулась, что-то забормотав и всхлипнув, Лайрин. Дар смотрел молча, но под глазами его залегли круги. Линт же наблюдал, как и Тара, с неприязнью, но сдержанно, пытаясь понять, что же так заинтересовало ее.

Всадник подошёл ближе и несколько раз стеганул ее хлыстом, оставляя на шкуре глубокие борозды. Тара только сейчас их и заметила.

Отбросил хлыст и скинул с плеча тяжелый предмет, который она сперва приняла за арбалет. Теперь, когда человек стоял и готовил оружие к бою, Тара смогла рассмотреть детали — приклад, как у арбалета, короткое цевье, железная трубка и маленький спусковой крючок. Ни тетивы, ни болтов, ни плечей.

— Что это такое? — тихо проговорила Тара.

Между тем человек насыпал что-то в ствол, утрамбовал шомполом, достал фитиль, кто-то из его спутников высек искру с помощью огнива. Загорелась маленькая яркая искорка. Он прижал оружие к плечу, прицелился в голову животного, вспыхнуло пламя, взметнулся дым, а лошадь дернулась в последний раз и застыла.

Видение развеялось.

— Ну и зачем вам это нужно было? — выдавил из себя Дар. — Очень надо было смотреть…

— Так и не смотрел бы, — устало парировал Линт.

Тара обошла еще раз труп лошади. Нет, разглядывать рану она больше не собиралась. Разве что-то еще рассмотреть и понять. В траве в нескольких шагах что-то тускло блеснуло. Ах да, слетевшая с лошади подкова. Как ей не пришло в голову рассмотреть их раньше? Кузнецы оставляют на них свое клеймо, или клеймо своего господина.

И тут как раз было такое… господское. Точно такой же герб, как на указателе на развилке — герб баронства Кэтрилан.

— Идемте… Больше нет смысла здесь задерживаться, — проговорил Линта'эл.

Тара была с ним согласна, но ничего не сказала, просто двинулась следом. Мысли ее были заняты увиденным. Она пыталась понять, что это такое, как работает подобное оружие и, самое главное, чем стреляет. Выводы, приходившие ей в голову, выглядели неприятно. Из утешительного было только одно: слишком уж долго человек его готовил. И, кажется, после этого выстрелить можно было лишь один раз.

— Стойте! — закричала Лайрин. — Мы лошадь тут так и оставим? Вам ее совсем не жалко?

Дар потянул сестру за руку, что-то вполголоса проговорив. Лайрин попыталась вырваться, но Линт сказал:

— Он прав. Сейчас мертвое животное — часть природы. Птицы вернутся, а ночью придут хищники. Для зверей это правильно. Они не люди и не фэйри, чтобы хоронить, как это делаем мы. Их души и так постоянно связаны с Истоком…

Тара. Глава 5, в которой Линт встречает старого знакомого

Линт и правда неплохо знал эти места. Они миновали рощу, прошли какими-то тропинками через ухоженные сады, которые, по всей видимости, обрабатывали как раз жители Сонневейка, и снова вышли на дорогу. Тара, хорошо ориентировавшаяся на местности, тем более днем, сразу поняла, что оказались они на несколько сот шагов южнее указателя. Идти в Хорвель и в самом деле было самым логичным решением, а потому она не сказала ни слова. Вот только близнецам это оказалось не очевидно.

— Куда мы теперь? — с беспокойством спросила Лайрин, когда Линт уверенно зашагал по дороге в южном направлении.

— В Хорвель, — ответил он коротко.

— В Хорвель? — переспросил Дар, останавливаясь. — А почему не в Кэтрилан? Подкова же была оттуда? И эти люди, которые сожгли дома.

— Тебя ничего не смущает в твоих умозаключениях? — вздернул брови Линт.

— Если жители, действительно, ушли, спасаясь от угрозы, — заговорила Тара, — вряд ли они направились в Кэтрилан, люди из которого пришли позже сжечь их дома. Путей здесь всего два. И я не вижу никаких признаков того, что они пошли как-то по-другому, не по дороге. В любом случае, если ничего не найдем там, проверим и Кэтрилан…

Лица фэйри Лета изменились моментально. Свою глупость, ошибку и что спорить здесь не о чем, они поняли. А у Тары вертелось в голове еще кое-что: а не стоит ли сейчас отправить домой Лайрин и Дара? Пока они, теперь все вчетвером, снова не попали в передрягу. Правила, которыми руководствовались наниматель и наемник, на них уже не распространялись. Она сама отказалась от этой роли в их компании. А значит, вполне могла бы поднять этот вопрос.

Но пока Тара над этим размышляла, похожие мысли пришли в голову Линта.

— Именно. Мы проверим Хорвель. Попробуем понять, что случилось. А потом я отправлю вас домой. Не надо на меня так смотреть. Я помню, что обещал еще этим утром. Но обстоятельства изменились! Вы помните все, что с вами приключилось в землях людей? Дар? Суд, приговор? Лайрин? Ублюдков, которые пытались нас похитить? А теперь сожженная деревня… И что произошло, мы не знаем. Но в Сонневейке жили фэйри. И это уже не выглядит простым совпадением. Все эти беды случились с вами потому, что вы фэйри! И жители Сонневейка могли пострадать по той же самой причине. А праздник теперь… негде вам посмотреть на праздник!

— Еще шайсары, — понурившись добавила Лайрин. — Да, мы не совсем уж глупые, Линт. Только почему тогда не отправить было нас прямо из деревни? Ну, или отсюда?

— Хочу, чтобы вы могли там рассказать побольше. И обсудить, что и кому вы вообще будете говорить. Не исключено, что вам придется повторить свой рассказ Калиад'элу.

— Это вряд ли, — отмахнулся Дар, — рэйн Калиад'эл, говорят, совсем забыл об Альвхайденгарде. Уж о Хортланде ему точно будет слушать неинтересно. Тем более...

— Постараюсь сделать так, чтобы было кому его убедить, что это важно, — заверил Линт.

— А ты сам? — снова нахмурилась Лайрин. — Почему бы тебе самому не отправиться в Альвхайденгард с нами и не рассказать рэйну Калиад'элу именно то, что надо?!

— У меня... — Линт невольно перевел взгляд на Тару, странно запнулся, но продолжил, — есть еще дела. И я вернусь, когда узнаю, есть ли связь между этими всеми событиями.

Лайрин вздохнула, а Дар пнул маленький камешек и досадливо поморщился. Они оба признали и правоту слов Линта'эла, и необходимость возвращаться. Таре как будто переда-

лось немного их настроения. Да, и так было понятно, что день-два и неугомонные фэйри Лета отправятся домой. Но все же было предвкушение праздника.

Тсам-Хрaйдс... Древний праздник середины лета, появившийся еще до первых королевств на континенте. Не самая важная цель в жизни, но все же именно она их четверых свела. И теперь придется, скорее всего, прощаться, так и не повеселившись напоследок.

Лайрин вдруг встрепенулись, скинула с плеча седельную сумку, в которой ей теперь приходилось хранить и таскать все свои вещи, и достав оттуда кошель, протянула его Таре:

— Я потом забуду! Вот возьми!

Тара опешила. Денег у фэйри оставалось еще очень прилично. А она уже отказалась от платы...

— Бери, Тара, пожалуйста! — настаивала Лайрин. — В Альвхайденгарде толку от них никакого. А вам, может, еще понадобятся деньги. Дар!

— Да, точно, — поддержал ее брат, доставая свой кошель.

Линт кивнул, одобряя их предложение.

— Бери, в самом деле. Я, конечно, могу сделать сколько угодно золота, но готовое все же лучше.

— С-спасибо, — неуверенно проговорила она, принимая оба кошеля.

А Лайрин как-то по-особому улыбнулась и обняла ее, поговорив:

— Спасибо, Тарочка. Ты так долго нас терпишь. И всегда защищаешь. Даже от Линта иногда.

— Эй! — потянул ее Дар за плечо, — не прям же сейчас нас отправляют, забыла?

— А вдруг потом будет некогда?! — скинула его руку Лайрин.

— А и в самом деле! — и Дарвайн присоединился к сестре.

А Таре ничего не осталось, кроме как принять от них обоих этот внезапный порыв, отчего она себя почувствовала старшей сестрой, которая отправляет младших домой, в безопасное место, чтобы остаться и разобраться со всеми взрослыми делами. И потянуло где-то внутри какой-то даже приятной грустью. Она привязалась к ним, несмотря на то, что эти двое не люди. Даже, нет, это больше, чем просто привязанность. Близкая дружба, желание защитить и позаботиться, разделить радость, не дать случиться беде... И она не теряет их так, как теряла близких людей. Они будут далеко, но в безопасности.

Лайрин, наконец, отстранилась, Дару тоже пришлось отойти. Фэйри Лета повернулась к Линту, сказала серьезно и настойчиво:

— Я знаю, что я права, Линта'эл! Пообещай мне, что в Альвхайденгард ты вернешься с ней!

Тара перевела взгляд на Линта, чтобы увидеть, как странно изменилось выражение его лица, он как будто даже покраснел...

— Пообещай! — снова потребовала Лайрин.

— Я и не собирался... — и в голосе его Таре почудилось какое-то оправдание, замешательство, до которого уж никак и никогда, как ей казалось, не смогли бы эти двое его довести. Линт между тем поймал взгляд Тары и, кажется, смешался еще сильнее и пробормотал: — Мы это обсудим... позже...

Дар растянул губы в широкой довольной улыбке. Лайрин нахмурилась еще сильнее и хотела снова что-то сказать, но тут Тара, распознав звук, который уже некоторое время пыталась определить, схватила обоих за плечи и потащила прочь с дороги в густые кусты. Линт не теряя времени последовал за ними.

Слишком увлеченные своим разговором, они пропустили момент, когда топот множества конских копыт приблизился настолько, что они едва успели убраться с пути отряда и спрятаться.

Однако вскоре стало понятно, что в кустах им придется прятаться еще какое-то время, потому что отрядов было два и приближались они с двух разных сторон, встретившись как раз на том месте, где они устроили преждевременное прощание.

Из-за поворота дороги выехали всадники.

Первый отряд прибыл с юга, не торопясь. Они двигались строем, ровно, уверенно. Впереди ехал человек в темно-зеленом плаще, расшитом по краю золотой тесьмой, на груди под наплечниками поблескивал герб: три серебряных колоса на черном щите. Они видели этот знак на указателе. Герб Хорвеля, баронства, в земли которого они теперь ступили.

Лидер поднял руку, давая знак остановиться, и отряд замер. Лошади, явно обученные двигаться в унисон, разом опустили головы.

— Они кого-то ждут, — едва слышно прошептала Тара.

Но понять и увидеть, кого именно, можно было уже через несколько мгновений.

С севера, со стороны Сонневейка, послышался глухой нарастающий гул. Топот копыт, короткие выкрики, а через мгновение показался второй отряд. Люди явно не ожидали, что их здесь уже ждут. Авангарду пришлось останавливаться внезапно и резко, лошади становились на дыбы, те, кто шел следом, едва не наехали на передних.

Кто-то крикнул:

— Осторожней!

Кто-то грязно выругался.

Однако те, кто их встречал, не сдвинулись ни на шаг.

Тара, выглянув сквозь ветви, рассмотрела цвета: плащи серые, с серебряными полосами по краю, и герб Кэтрилана: черная башня на синем поле.

Всадники осадили коней, подняв клубы пыли. Командир северян выехал вперед, и Тара невольно затаила дыхание. Она легко узнала того самого человека, что приказал сжечь Сонневейк, а после добил охромевшую лошадь в роще.

Тот же силуэт, та же походка, короткий плащ, переброшенный через плечо, и за спиной незнакомое оружие, похожее на арбалет без тетивы.

На дороге же тем временем установилась напряженная тишина. Два отряда стояли друг напротив друга, как перед бурей, когда ветер уже сменился, тучи сгустились, но молнии еще не засверкали и не ударил гром.

Лидер южан, высокий мужчина лет тридцати, тронул поводья и заставил лошадь сделать всего два шага вперед.

— Приветствую вас на своей земле. Хотя, сдается мне, ты ошибся дорогой Гарольд Кэтрилан. Что ты забыл в Хорвеле?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было добродушия, только вежливое предупреждение.

— Если так, я с радостью покажу путь обратно, — добавил он.

— На твоей земле мне нужны только сбежавшие крестьяне из Сонневейка. У меня приказ герцога Эритии, нашего общего сюзерена. Ты не смеешь препятствовать мне…

— Приказ герцога, говоришь... любопытно. Сонневейк — ведь спорная земля. Герцогский суд так и не смог ничего решить. Или его светлость поменял мнение и решил отдать Кэтрилану эти земли? Но раз речь об этом, то, пожалуй, я уступлю вам территорию, на которой стоит Сонневейк. А крестьяне… они ушли до того, как им был оглашен приказ. А значит, имели на это право!

Он посмотрел прямо в глаза Гарольду и улыбнулся.

— Ты играешь словами, Хорвель, — прошипел Гарольд. — И тебе это выйдет боком. Приказ герцога был отправлен всем. И от фэйри на земле Эритии и вассальных герцогству баронств было приказано избавиться до окончания Тсам-Хрaйдс!

— И ты поспешил этот приказ исполнить? Я тебя огорчу. Исполнять его ты будешь только на своей земле, — ледяным тоном произнес барон Хорвель, — потому как я не помню, чтобы ты имел право вершить какие-то дела на моей!

— Ты пожалеешь, что стал у меня на пути… — Гарольд Кэтрилан вскинул руку.

Его люди, все как один, скидывали с плеч уже знакомое оружие, то, что все четверо, Тара, Линт и близнецы, видели в руках как раз их лидера в роще рядом с Сонневейком.

Показываться на глаза этим двум отрядам явно не стоило, но Тара все же попыталась рассмотреть, что же это такое и на что похоже. Несколько лет назад в Узмире ходили слухи о трубках, стреляющих огнем. Якобы узмирцы собирались купить где-то на востоке и вооружить ими свою армию. Но доставить подобное оружие в Узмир можно было только двумя способами: через земли дикарей-язычников, поклонявшихся своим жестоким богам, и перейдя Искренниковые горы, а потом еще провезя этот груз через весь Хортланд; или по морю, нимидийскими кораблями. Флот самого Узмира не был настолько хорош, чтобы выдержать такое плавание — ведь надо было обогнуть весь континент.

Тогда нимидийцам хорошо заплатили и пригрозили началом войны на море, в которой они не смогли бы выйти победителями. И Узмир остался без своего чуда, а Хортланд победил в том конфликте.

Многие даже считали эти россказни сказками. И что же? Именно то, о чем трепались несколько лет назад в Узмире, вдруг оказалось в руках провинциального барона в Хортланде?

Линт что-то быстро сплел, кивнул Таре и жестом указал на более удобное место для наблюдения. Прикрыл их иллюзией, скорее всего, как в тот раз на реке. Да, было немного странно и непривычно вот так выглядывать, почти что выйдя к дороге, когда надо прятаться. Но Тара все же доверилась ему и его магии. Удивительно, что именно это еще ни разу не подвело их.

Оружие выглядело также, как в том видении, вызванном кругом возврата. Но увидеть его в действии они не успели.

— Кажется, ты решил попугать своими пукалками меня, Гарольд Кэтрилан? — предводитель отряда из Хорвеля привлек к себе внимание. — Ты, наверное, забыл, что я не деревенский мальчишка.

Он заставил свою лошадь чуть отступить, и сам даже не обнажил клинка. Зато это сделали те, кто его сопровождал. И Тара еще раз убедилась, что каким бы тревожным и опасным ни выглядел результат выстрела, оружие это проигрывает даже простому луку, не говоря уже о пяти арбалетах, уже направленных на кэтриланцев…

— Как думаешь, ваши фитили прогорят быстрее, чем будут пущены эти стрелы?

— Ты не посмеешь… — прошипел Гарольд Кэтрилан, кажется, не веря в свое поражение.

— Ты бы посмел. Так что остановит меня?

В этот момент Тара ощутила на себе чей-то взгляд. Парень, лет двадцати, может чуть старше, из кэтриланцев, единственный, кто не бросился заряжать и вообще никак не отреагировал на жест Гарольда, смотрел не то чтобы прямо на них, но как будто шарил взглядом по тому месту, где они спрятались.

Дар и Лайрин также рассматривали плетения Линта. Сама она, конечно, магию не видела, но понимала, на что они смотрят. Линт как-то с помощью той же иллюзии показал ей, что такое чары…

Что привлекло взгляд этого юноши? Они были слишком неосторожны и их услышали? Или все же…

Линта'эл вдруг потянул ее за плечо назад, туда, где в зарослях притаились Лайрин и Дар, прошептав:

— Нас заметили…

Вот только говорил он не о юноше из кэтриланцев. Перед тем как вновь скрыться в кустах, Тара успела поймать на себе взгляд одного из тех, кто пришел из второго баронства. Вот этот смотрел прямо, не шарил взглядом по созданной Линтом иллюзии. И неудивительно, ведь он не был человеком.

— Что теперь? — тихонько спросила Тара.

Дар и Лайрин тоже смотрели напряженно и выжидающе.

За ними следом никто не пошел. И ни драки, ни перестрелки на дороге не произошло. Но Линта'эл чего-то ждал.

Сначала место не случившейся стычки покинули кэтриланцы. Сделать они и впрямь ничего не могли. Численность отрядов была примерно одинаковой. Но любая попытка развязать бой заставила бы отряд из Хорвеля сначала разрядить арбалеты. И на таком расстоянии даже самый неопытный стрелок не промазал бы. Поэтому кэтриланцы ретировались, напоследок пригрозив чем-то хорвельцам. А те, в свою очередь, подождали, пока уляжется пыль на дороге, негромко о чем-то переговариваясь, да и двинулись обратно.

Все стихло. На дороге, похоже, никого не осталось.

— Ну что? — не утерпела Лайрин. — Мы все же пойдем в Хорвель? Те люди… не выглядели шибко дружелюбными.

— А ты бы встретила дружелюбно тех, кто пришел тебя убить? — спросил как раз тот самый фэйри, что заметил их, выходя из-за придорожных кустов.

Тара повернулась к нему, заслоняя остальных. Линт же сам выступил вперед. И по тому, как он двигался, она сразу поняла, угрозы нет. Все что угодно, но не угроза. Да, толком поразмышлять об увиденном времени не было. Но в любом случае на стороне Хорвеля был хотя бы один фэйри, а кэтриланцы требовали выдать им жителей Сонневейка.

— Привет, Зэрин. Судя по всему, в Хорвеле ты теперь важный гусь?

Фэйри в самом деле вызывал некоторое любопытство. Да, было общеизвестно, что в столице, во дворце, хватает представителей этого народа, получивших титулы королевства, земли, женившихся и вышедших замуж за аристократов. Но Тара вообще видела мало фэйри, только тех, с кем свела ее судьба в этом путешествии. А во дворце она была лишь однажды.

Зэрин не был аристократом, но на нем был камзол и плащ с гербом Хорвеля, а на боку — ножны с мечом. Значит, его барон наделил его правом носить оружие. Образ дополнял берет с черным пером, из-под которого торчали острые уши фэйри.

— А ты таки стал бродягой, Линта'эл из Двора Ночи? — усмешка была кривой, но незлой. — И что заставило тебя притащить в королевство людей детишек из Альвхайденгарда?

— Ну, не настолько же я идиот, в самом деле, — проговорил Линт, — чтобы действительно тащить их сюда…

Тара, до того попытавшаяся оттеснить близнецов подальше, подошла ближе, перевела взгляд с одного на другого и спросила:

— Вы знакомы?

— Да… — Линт потер переносицу. — Это Зэрин… Мы…

— Когда-то вместе мыли посуду в резиденции Двора Ночи, — фэйри усмехнулся. — Познакомишь со своими спутниками?

— Тара, — Линт назвал ее имя, поколебался и исправился, — Тариана из Оксмора. Она… нас сопровождает. А это Дарвайн'эл и Лайрин'айт из Двора Лета. И я встретил их уже в Хортланде.

Близнецы приблизились, оглядывая фэйри с некоторым подозрением, но в глазах после слов о мытье посуды зажглось любопытство.

— Что вы здесь делаете? — сухо спросил Зэрин, окинув взглядом всех четверых.

— Сейчас пытаемся выяснить, что случилось с Сонневейком, — произнес Линта'эл, — мы видели сгоревшую деревню.

— И мертвую лошадь, — поспешила добавить Лайрин.

— Да и здесь, на дороге, — продолжал Линт, — произошедшее кажется мне довольно тревожным, чтобы…

— Чтобы что? Разве это как-то касается фэйри из Альвхайденгарда?

Тара насторожилась. Было в этом то же, что и там, в деревне на реке. Перекликалось с тем, что сказала та женщина, лекарка фэйри, взявшая человеческое имя. И Линт об этом ей говорил. Фэйри, ушедшие в Хортланд, не хотят иметь дело с Альвхаденгардом.

— Это касается меня лично. Многие из Сонневейка были мне знакомы. Например, ты. К тому же мы проделали очень долгий путь. И если есть хоть небольшой шанс, что у нас будет возможность поспать на нормальной кровати и поесть нормальной еды, мы все будем очень благодарны. И нам есть, чем за это заплатить, если придется. Или Хорвель настолько негостеприимное место?

— Хм… — протянул Зэрин, снова окинув взглядом всех четверых. Таре показалось, что последние слова его даже смутили, совсем чуть-чуть, но заставили отступить.

— Идемте, — в конце концов, проговорил он и даже слегка улыбнулся. — Думаю, Киаль будет рада тебя видеть, Линта'эл.

Линт в ответ кивнул и тоже ответил слабой улыбкой.

Они двинулись за своим новым провожатым в сторону дороги. Но Линт почему-то отстал, а на лице его появилось вовсе не выражение облегчения. Скорее наоборот. Таре оно было уже знакомо. В его глазах появлялось что-то, когда он говорил с ней в ту ночь об Альвхаденгарде и о Сэлэми. Вот и теперь…

Она поравнялась с ним.

— Тариана из Оксмора? — тихо, вполголоса спросила она. Не так уж ее это беспокоило, но захотелось отвлечь его от печальных мыслей, если это были они.

Он посмотрел на нее и проговорил:

— Ты ведь больше не наемница… И это твое имя, — Линт как будто оправдывался и в то же время пытался ей же самой доказать, что он прав.

Тара лишь покачала головой. Все же свое полное имя после стольких лет было слышать странно. Но почему-то произнесенное им оно звучало вполне уместно. И она, прислушавшись к себе, поняла, что вовсе даже и не против. Тарианой называли ее только самые близкие. Дед и родители. И она как будто допустила, что этот фэйри мог бы стать частью этого круга…

— Мыл посуду в резиденции Двора Ночи? — обернувшись, прошипел Дарвайн.

И близнецы сдавленно захихикали.

Тара. Глава 6, в которой Линту едва не сломали нос... дважды

Однако на дорогу Зэрин их не повел. Пошел через лес, углубившись в него. И вскоре они вышли на тропинку, а по ней добрались до реки. Не очень широкой, но, как заверил их Зэрин, довольно глубокой и со множеством ям и скрытым течением. Через реку был перекинут шаткий, как будто бы даже временный, мост. Зэрин сразу предупредил, что идти по нему надо по одному. И Тара, лишь ступив, сразу поняла почему. Весь мост, состоявший из связанных веревками и какими-то креплениями досточек, прогибался под одним проходящим так, что другой просто не имел возможности на него зайти, не нарушив хрупкое равновесие и не создав затруднений идущему впереди.

— Как только лошади здесь прошли? — пробормотал Дарвайн, глядя, как Тара идет на другую сторону.

Река была достаточно спокойной, и она хорошо его расслышала, как и их проводник. Фэйри ухмыльнулся. Дар непонимающе на него взглянул.

— Для баронских лошадей и их хозяев, скорее всего, есть паром, — ответила Тара, — или брод. Но нам его не покажут.

— Здесь нет брода, — отрезал Зэрин, — местные все об этом прекрасно знают. Даже если попытаться его как-то организовать, подводное течение снесет и насыпь, и камни.

Тара ничего не ответила, раздумывая над тем, что, пожалуй, брода и в самом деле нет. Линт как будто что-то почувствовал, а может, просто уловил какой-то скрытый смысл в этом разговоре, и, перебравшись, посмотрел на нее. Она также едва заметно покачала головой в ответ. Доберутся до Хорвеля, посмотрят и тогда поговорят.

Они шли вдоль реки, петлявшей между низкими холмами, поросшими кустарником и редкими ивами. Вода блестела в просветах листвы, иногда открывая каменистые отмели и корни деревьев, подточенные течением. Вскоре лес поредел, и впереди показалась излучина — за ней, на возвышенности, стоял замок.

Невысокие, но массивные стены, с круглыми башнями по углам, казались частью самого холма, из серого, выветренного камня. Тара пригляделась — постройка старая. Возвышенность, река под стенами, узкая тропа на подъезде — место выбрано удачно. Если хозяевам приходилось воевать, то выбраться к замку незамеченным было бы невозможно.

Она подумала, что род Хорвелей должен быть древним, если их владения укрепляли так основательно. Башни местами заросли мхом, а над одной покосился старый флюгер.

Перед замком дорога раздваивалась. Одна тянулась вверх к воротам, другая — вниз, к холмам, где среди зелени виднелись черепичные крыши. Зэрин, не колеблясь, повернул к замку.

Тара тронула Линта за плечо. Тот понял без слов.

— Почему не в деревню? — спросил он, поравнявшись с проводником. — Зачем нам в замок?

— Потому что в деревне сейчас никого нет, — не оборачиваясь, ответил Зэрин. — Перед Тсам-Храйдс все собираются здесь.

Он махнул рукой в сторону стен, над которыми лениво колыхался зеленый штандарт. На нем был изображен серебряный орел, взмывающий ввысь, а в его когтистой лапе — рыба с длинным, раздвоенным хвостом.

— Все? — уточнила Тара. — И жители Сонневейка тоже?

Зэрин на миг замедлил шаг.

— В замке хватает места всем, — сказал он.

Тара ничего не ответила, только обменялась коротким взглядом с Линтом. Тот чуть заметно пожал плечами.

Чем ближе они подходили к замку, тем больше признаков праздника бросалось в глаза. Лайрин и Дар оживились, переглядываясь, разглядывали стены, украшенные разноцветными флажками, длинные столы на поляне перед навесным мостом, яркие ткани под навесами, шумную суету людей и фэйри во дворе.

Тара смотрела на другое. Среди всей этой пестрой суматохи она подмечала мелочи — те, что обычно никто не замечает. На стене двое мужчин несли тяжелый деревянный ящик и ставили его на площадке башни. На другой башне под грубо наброшенным холстом она различила очертания чего-то крупного, слишком громоздкого для украшения. Баллиста?

— Они готовятся к осаде, — едва слышно сказала она.

Линт повернулся, нахмурившись, будто не до конца понял смысл ее слов.

Тара отвела взгляд, подумала, что, возможно, для него все это не имело значения. У фэйри не строили крепостей и стен со рвами. Возможно, и войны с помощью магии велись как-то иначе.

— Ждут нападения, — также тихо сказала она.

По его взгляду она поняла, что все равно придется пояснять. Но Линт вдруг как-то странно посмотрел на Зэрина, взгляд его задержался на мече, ножны с которым были пристегнуты к поясу, и покачал головой.

Зэрин остановился на широкой площадке перед подвесным мостом. Здесь царила оживленная суета. Люди и фэйри сновали туда-сюда, таская доски, бочки, корзины. По краям площадки уже стояли ряды длинных столов под навесами из цветных тканей. На одном, ближе к воротам, женщины развешивали венки и ленты, на другом — двое мужчин устанавливали большие качели на четырех деревянных столбах, украшенных резьбой и свежими ветвями. Символ Тсам-Храйдс, праздника Середины Лета.

Взгляд Тары невольно остановится на длинном столе, заваленным мелочью — украшениями, вышитыми шарфами, плетеными шнурками, деревянными фигурками, неровными бусами, тряпичными зверушками. Все лежало беспорядочно, будто не на продажу, а просто для кого-то оставлено. Она задержалась взглядом на криво вырезанной фигурке птицы и подумала, что, пожалуй, видит такое впервые. Не похоже на обычный рынок — слишком много здесь вещей, словно сделанных детскими руками.

На них с Линтом и близнецами оглядывались, но без настороженности, скорее с любопытством. Здесь было немало фэйри, и потому их появление не вызвало ни удивления, ни неприязни.

Со стены кто-то окликнул Зэрина. Тот обернулся, коротко кивнул и сказал спутникам:

— Подождите здесь. Я скоро вернусь, — и, не дожидаясь вопросов, быстро направился к воротам.

Около одного из навесов, у сложенных бочек и пустых корзин, толпились несколько юношей и девушек — кто-то явно из местных людей, кто-то из фэйри, а двое, по чертам лица, и вовсе полукровки. Они украдкой посматривали на Тару, Линта и близнецов, вполголоса переговаривались и, прикрывая рты ладонями, хихикали. Лайрин насупилась, а Дар сделал вид, будто рассматривает ближайший навес, но уши его заметно порозовели.

По площадке прошла дородная женщина в переднике, с огромной корзиной, из которой пахло свежим хлебом. Она, не замедлив шага, шикнула на молодых болтунов:

— А ну, за работу! — и те, словно воробьи, разлетелись кто куда — кто под навес, кто за стол, кто за венками.

Женщина окинула чужаков внимательным, но не враждебным взглядом и сочувственно покачала головой. Потом пошла дальше, громко распоряжаясь кому-то насчет теста и дров для печей.

Тара невольно посмотрела на своих спутников. После леса, встречи с Ником, схватки с шайсарами, перехода через хутор, где их настиг Беспалый, и ночевки в старом амбаре, вид у них и впрямь был потрепанный. Грязь на сапогах, грязная одежда, спутанные волосы. Она тронула рукав, заметив прореху, и подумала, что со стороны они, наверное, выглядят как бродяги, случайно забредшие в баронский замок.

— Я хочу есть, — жалобно протянула Лайрин. — Второй день уже ничего толком не ели.

— Так праздник же вроде готовят, — заметил Дар, оглядывая ряды столов. — Может, останемся?

— Нас пока никто не приглашал, — ответил Линт.

Он говорил задумчиво, рассматривая людей и фэйри, переводя взгляд на замок и башни, видимо, пытаясь увидеть признаки того, о чем сказала Тара. Но опыта в таких вещах ему явно недоставало.

В этот момент из раскрытых настежь ворот вышла фэйри, и вот она, хоть и обладала привычной внешностью своего народа: прямые светло-русые волосы, заплетенные в простую, но аккуратную косу, карие глаза, большие, как у олененка, вздернутый нос и веснушки — все же отличалась.

На ней было платье из тонкой серо-зеленой шерсти поверх белой блузы, а корсаж сидел точно, как у знатных дам, без излишеств, но изящно. Она шла быстро, на ходу давая инструкции мальчишке лет четырнадцати, который шедшему рядом с ней. Он держал в руках список и время от времени заглядывал в него.

— …и скажи, чтобы поставили еще два ведра воды к северной башне, а если кузнец все еще возится с наконечниками… — проговорила она и умолкла, заметив незнакомцев.

Фэйри несколько долгих секунд стояла неподвижно, словно не веря собственным глазам. Потом ее взгляд скользнул от Лайрин к Дару, снова вернулся к Линту, и лицо ее осветилось искренним удивлением и радостью.

— Линта'эл! — чуть ли не завизжала она, совсем не подобающим благородной даме. — Наконец-то!

Она подхватила подол платья, позабыв о всяком достоинстве, и ринулась к ним бегом. Мальчишка, оставшийся у ворот, растерянно замер.

Фэйри повисла у Линта на шее, чуть не сбив с ног. Линт от неожиданности сначала отстранился. А потом, когда понял, в чем дело, все же обнял ее в ответ.

— Давно не виделись. Здравствуй, Киаль'айт.

Та отпрянула ровно настолько, чтобы заглянуть ему в лицо, будто желая убедиться, что это действительно он, потом широко улыбнулась и выдохнула:

— Ты даже не представляешь, как я рада! А эти детки? Лайрин'айт и Дарвайн'эл из Двора Лета?

— Откуда… — удивился Дар.

Лайрин же ничего не успела сказать, лишь рот открыла от удивления. Киаль'айт засмеялась и быстро заговорила:

— Как будто есть на свете другие близнецы Двора Лета! — потом вопросительно посмотрела на Тару.

— Меня зовут Тара, — быстро сказала та, пока Линт не успел снова представить ее полным именем.

Киаль'айт кивнула мимоходом. Потом снова обратила к Линту:

— А Сэлэми? Он с вами? Он же всегда с тобой…

Возникла пауза. Близнецы, только что что-то недовольно и смущенно бубнившие, замолчали, потупили взгляд. Тара заметила, как слегка поник Линт. А потом он внезапно сказал:

— Нет, он на этот раз не со мной.

Киаль'айт вздохнула, пожав плечами:

— Жаль… Но хорошо, что ты этого своего приятеля из Тени не притащил. Б-р-р, у меня от него всегда были мурашки. Ой! Вы же голодные, наверное! Да? И… где вас носило? Вы что, через все болота Кэтрилана прошли? Идем-идем… — она потянула Линта за руку, сделав приглашающий жест остальным. А потом крикнула: — Триша! Найдется что-то на кухне для гостей?

К ним, передав свою корзинку одному из пробегавших мимо мальчишек, подошла та самая дородная женщина, заприметившая их чуть раньше.

— А вы гости господина Виллема? Конечно, найдется.

— Они, — перебила ее Киаль, — мои гости! А с Виллемом… я договорюсь.

И фэйри, все же выпустив руку Линта, бодро зашагала обратно к замку, совершенно уверенная, что остальные идут за ней.

Кухарка покачала головой, потом посмотрела на близнецов, на Линта, на Тару, поцокала языком.

— Можно нам поесть? — умоляюще протянула Лайрин, ловя взгляд Линта. — Ну пожалуйста! А потом домой нас отправишь.

— Да что ж он вам есть, что ли, запрещает? — женщина недобро зыркнула на черноволосого фэйри. — Сам дрыщ-дрыщом и детей морит голодом?

— Я не… — попытался оправдаться тот.

Но его уже никто не слушал. Женщина обняла обоих фэйри Лета за плечи и подтолкнула к мосту.

— Так не надо позволения спрашивать. Чай не херцог какой! И ты, девонька, идем с нами. А как Киаль наша с господином бароном переговорит, так и на Тсам-Храйдс оставайтесь…

С другой стороны моста уже перешедшая его фэйри остановилась, обернулась, уперла руки в боки и крикнула:

— Ну чего вы? Особое приглашение нужно рэйну из Двора Ночи?

Линт поджал губы, а Тара тихо засмеялась, толкнула его в плечо и сказала:

— Действительно, идем уже.

Ей показалось, что повторяется история с поселением у реки, когда им пришлось просить помощи у его жителей. Фэйри, переселившиеся из Альвхайденгарда в Хортланд, странно относились к своим же сородичам. Тара даже подумала, что дело тут, наверное, в Великих Дворах и их отношении с Малыми. Из сказанного Линтом, выходило, что отношения эти странные и запутанные. Им не откажут в помощи и ночлеге, но не позволят совать нос в чужие дела.

Правда, здесь это были дела баронства.

На кухне было также суетно и людно, как и всюду в замке. Кухарка быстро собрала на стол, поставив несколько тарелок и корзин с разнообразной снедью. Но потянувшийся за сдобной булкой Дар получил от нее подзатыльник:

— Руки иди вымой, заморыш!

— Ну, ешьте! — сказала Киаль. Выглядела она довольной и даже счастливой, хоть и старалась быть серьезной. — А я пойду поговорю с господином бароном.

— Киаль, а Зэрин против не будет? — внезапно поинтересовался Линт.

Фэйри скривилась, как от кислого, фыркнула и сказала:

— Вот я еще его не спрашивала, против он или нет… Я пошла.

— Постой, — остановил ее Линт, — можешь… хмм… устроить нам встречу с вашим бароном.

— Устроить встречу? — непонимающе проговорила фэйри.

— Нам надо поговорить с ним, — вступила Тара, — мы видели, что осталось от Сонневейка, и людей из Кэтрилана на дороге. Если он согласиться нас принять…

— Принять? — Киаль прыснула в ладошку и продолжила спустя несколько секунд вдоволь насмеявшись. — Тогда пошли со мной. Хотя могли бы и поесть сначала.

Линт оглянулся на близнецов, с упоением намыливающих руки куском пахнущего дегтем мыла. Его взгляд поймала кухарка, махнула рукой и, ухмыльнувшись, сказала:

— Мы их тут не съедим.

Линта'эл вздохнул, взглянул на расставленную еду, на близнецов и проворчал:

— Смотрите, чтобы они вас не объели до праздника.

На самом деле замок был небольшой. Ощущение некой величественности создавал живописный вид на него снаружи. Возвышенность над рекой, высокие стены с тремя башнями, ворота с подъемным мостом, высокие стрельчатые окна, старинный замшелый камень, — все это придавало ему серьезности.

На деле же внутренний двор был невелик. Хоть здесь было все необходимое: колодец, небольшой склад, сразу видно использовавшийся и как продовольственный, и как оружейная, конюшня и кузница — сам замок примыкал к стене с той стороны, где она выходила на реку, а донжон служил и дозорной башней.

Тара следовала за Линтом и Киаль'айт, которые говорили о чем-то и ком-то ей неизвестном и незнакомом. Киаль, кажется, пыталась выведать что-то о делах в Альвхайденгарде. Линт отвечал уклончиво, без конкретики, словно старался как можно дальше обойти эти темы.

Она поймала себя на мысли, что размышляет над связью этих двоих, и почему Линта'эл не рассказал о Сэлэми, как есть. Может, сам Линт где-то глубоко в душе никак не мог смириться с этой смертью, а потому не готов был о ней говорить с теми, кто тоже был знаком с Сэлэми.

Сама Киаль вызывала у нее странные смешанные чувства. Впервые Тара познакомилась с кем-то, кто знал Линта раньше. Эта фэйри, похоже, была по-настоящему ему рада и вообще чем-то совершенно неуловимо напоминала Лайрин. Может, девушки-фэйри все такие же непосредственные, живые и искренние? Да и наличие на обоих запястьях Киаль обручальных браслетов, как будто успокаивало какую-то внутреннюю тревогу. Встреченные люди, слуги, слегка кланялись ей, как хозяйке. И Тара, кажется, начала понимать, какое положение эта фэйри занимает в замке. Это ей показалось поистине любопытным. Тем более что манерами она никак не походила на благородную даму. Но, судя по всему, барону это было безразлично.

Они прошли по винтовой лестнице и вышли на смотровую площадку одной из башен. И там Тара окончательно убедилась — Хорвель готовится и к празднику, и к осаде одновременно. Мера предосторожности на всякий случай?

На смотровой площадке обнаружилось два ящика, содержимое которых как раз рассматривали двое: знакомый уже Таре фэйри по имени Зэрин и мужчина лет тридцати, тоже, впрочем, уже виденный на дороге, тот, кого кэтриланцы называли бароном Хорвелем, а местные звали господином Виллемом.

Зэрин обернулся на звук шагов, увидел сначала Киаль'айт, а потом Тару и Линта. Лицо его исказила странная гримаса. Вроде и не злость, скорее досада.

— Зачем ты их сюда притащила? — прошипел он.

Вместо Киаль ответил Линта'эл:

— Это я попросил.

— Зачем?!

— Хотя бы для того, чтобы понять, что здесь происходит, — Линт внезапно повысил голос, — и почему вдруг фэйри в Хортланде, в Эритии, попали под удар. И, например, почему люди из Кэтрилана сожгли Сонневейк, а его жители, как я понимаю, теперь прячутся здесь. И…

— Какое дело до этого фэйри из Альвхайденгарда?

— Зэрин, прекрати! — вступила в перепалку Киаль. — Ты знаешь Линта'эла, знаешь, что он может помочь, в конце концов…

— Тебя не просили вмешиваться, Киаль!

— Я ее просил! — парировал Линт.

— Зачем тебе лезть в дела фэйри, ушедших в Хортланд?

Спор пошел по второму кругу. Тара повернулась к барону, даже не пытавшемуся вмешаться, лишь глядящему на перепалку троих фэйри, скрестив на груди руки и переводя взгляд с одного на другого. Похоже, вокруг него было достаточно фэйри, чтобы воспринимать такие ситуации философски, как нечто неизбежное. Тара же сейчас приходила к выводу, что подобный стиль общения, видимо, присущ всем фэйри. И то, что Линт говорил про иерархию — тоже верно до определенной степени. Эти двое явно не могли не знать, что он брат правителя Альвхайденгарда. Однако никакого пиетета не испытывали. Но, ей подумалось, что вряд ли они стали бы все же ТАК разговаривать с самим правителем.

— Ваша светлость, — она обратилась к барону, то ли заскучавшему, то ли ждущего, когда закончится пошедшая уже по третьему кругу дискуссия, — вы ждете, что барон Кэтрилан решит напасть на вас? На Тсам-Храйдс? Вы… готовитесь к осаде. Я права?

Он перевел на нее изучающий взгляд. Ему было около тридцати лет, высокий и поджарый, с карими глазами, прямыми русыми волосами, зачесанными назад, и подвижным лицом. Такие люди не особо скрывают свои чувства. Радуются или сердятся на полную катушку. Но она хорошо помнила, что он сумел сохранить полное спокойствие в стычке на дороге, и то, как его слушались его люди… и фэйри.

— Мы видели вашу встречу на дороге. И сожженный Сонневейк, — добавила она.

— Ждать теперь можно чего угодно, — ответил барон Хорвель после короткой паузы. — Но вряд ли они нападут в сам Тсам-Храйдс. Это было бы... очень дурной приметой.

— Это из-за земли? — осторожно спросила Тара. — Сонневейк стоял на спорной территории. Все из-за этого?

Это показалось ей важным — понять причину происходящего. Конфликты баронов, даже вассалов одного герцога, вещь не такая уж редкая. Случается. И споры земельные происходят постоянно. Но что-то было совсем не так. Мысль об оружии также не давала ей покоя.

— Из-за земли? — повторил он. — Да, это удобный повод начать исполнение приказа до праздника. Сожженный Сонневейк показывает лишь одно: они считают эти земли своими. Но дело не в границах, — произнес он, — а в тех, кто жил в этой деревне. В фэйри.

— В фэйри?

— Потому что Ее Величество, королева Хортланда и герцог Эритии велели своим вассалам избавиться от всех фэйри на их землях. В трехдневный срок после Тсам-Храйдс.

— Королева?! — воскликнула Тара.

— Избавиться?! — Линт, все еще продолжавший спорить с Зэрином о своем вмешательстве или невмешательстве в это дело, вполуха все же слушал, о чем говорят два оставшихся собеседника.

На несколько секунд все умолкли. Тара и Линт глядели на барона пораженно. Зэрин хмурился. А Киаль'айт закусила губу и подошла к барону, положила ему на плечо руку и повернулась к Линту и Таре и проговорила:

— Виллем, это Линта'эл из Двора Ночи. Он… брат файрина… владыки Альвхайденгарда. Его спутницу зовут Тара. И с ними Дарвайн'эл и Лайрин'айт из Двора Лета. Только… они совсем дети еще. Хоть и из Великого Двора, — а потом представила и его: — Виллем Веге, барон Хорвель… Мой… муж.

Она чуть покраснела, и, как показалось Таре, не выдержала взгляда Линта и потупилась.

— Рад приветствовать вас на своей земле, — спокойно произнес барон.

Линт вздохнул, словно принимая неизбежное.

— Я тоже… приветствую вас…

Наверное, здесь ожидаемо было бы добавить: "от имени Альвхайденгарда" или "от имени файрина Калиад'эла" — по всяком случае, так показалось Таре. Но он продолжил:

— Меня не посылал Альвхайденгард, и я не могу говорить от имени файрина. Я оказался в Хортланде по другой причине. Но… то, что происходит… должно дойти до сведения Калиад'эла. Это…

— Это не касается Альвхайденгарда! — вновь воскликнул Зэрин. — Ни Великие Дворы, ни файрина! Нам не нужно, чтобы они вмешивались в дела Хортланда!

— Когда люди избавятся от фэйри здесь и придут к Охранному лесу, к воротам Луи'занэра со своим новым оружием, — внезапно проговорила Тара, — Альвхайденгард будет вынужден вмешаться.

— Новое оружие! — снова пренебрежительно фыркнул Зэрин. — Вы же были на дороге! Видели, что эти игрушки ничего не стоят, если…

— Но Майел умер… — тихо напомнила Киаль.

— Барон Кэтрилан может и не понимает, как это можно применить и как с этим сражаться, — сказала Тара, — но если даже вы выстоите против кэтриланцев, то придут люди герцога… или королевские войска, которые будут знать, что делать и как это использовать.

Это оказалось последним аргументом. Зэрин сдался, поняв, что что бы он ни сказал, на все найдется возражение, которое ему просто нечем крыть. И все вместе: то, с чем столкнулись Тара, Линт и близнецы, и то, о чем поведал барон Ховель, сложилось в совершенно жуткую картину.

— Тот, кого вы видели на дороге — не барон Кэтрилан, это его сын, Гарольд. Сам Кайрон Кэтрилан в столице… Видимо, там не хватает сил, чтобы избавиться от всех…

Все началось после семидневного траура по только родившемуся и покинувшему мир сыну королевы. Глашатаи на площадях говорили, что Творец призвал дитя, и что даже лекари-фэйри не смогли помочь Его Высочеству, что маркиз Зейн, канцлер королевы, так же скорбит, как и королевская чета, что к могиле принца приходят и люди, и фэйри…

А в трактирах и тавернах, в лавках, на рынках поползли слухи. Разные. Один чудовищнее другого.

Что на самом деле в смерти младенца виновата магия фэйри. Что он родился чудовищем из-за того, что королева была околдована, пока носила его, и на самом деле он не умер, а фэйри забрали его в Альвхайденгард. И что однажды он вернется во главе их армии, чтобы захватить власть в Хортланде.

Эти слухи цепляли за собой другие, что-то люди выдумывали на ходу, чтобы байки выглядели интереснее и красочнее.

Например, говорили, что фэйри в скором времени захватят королевство и поработят людей. Лояльность переселенцев — лишь видимость. А их магия, особенно та, что связана с врачеванием, имеет разные свойства, которые проявляются позже. Что люди уже как прислуга у фэйри. Они заставляют магией любить себя и подчиняют себе волю и разум людей. Что они отродья. И правильно дед нашей королевы не желал с ними иметь ничего общего. Что их надо изгнать… А потом уже "изгнать" стало превращаться в "истребить".

Все это распространилось всего за несколько недель. На фэйри и так смотрели с подозрением и недоверием. Теперь же появилась открытая враждебность.

Тара посчитала дни. Как раз перед тем, как в королевстве объявили траур, они вышли из Истхина и до самого Нумайира не заходили ни в какие больше города, решив, что так путешествовать спокойнее. Каким же правильным решением это оказалось.

И как раз в это самое время барону понадобилось посетить столицу герцогства. И можно ли отказать любимой жене, если она так просит взять ее с собой? Они хапнули там сполна и косых взглядов, и прямых оскорблений. Были даже две попытки нападения. Благо Виллем Веге и Киаль явились в Эритию не одни, а с несколькими верными людьми и фэйри. Но выводы они сделали.

Едва вернувшись в замок, барон обнаружил голубя с двумя приказами — герцогским и королевским. А его подданные всего спустя пару дней сами столкнулись с тем, что некоторые вассалы Эритии, по всей видимости, самые верные и достойные, по мнению герцога, теперь были вооружены по-новому. Люди Кэтрилана выезжали сначала в лес, стреляли по зверью, якобы охотясь. Но очень быстро переключились с оленей на другую дичь — фэйри из деревни, много лет стоящей на спорной земле.

Жертвами стали двое мальчишек. Один умер в лесу, да там и был брошен “охотниками”. Другой, Майел, добрался до Сонневейка, превозмогая боль и истекая кровью. Рана была бы пустяковой, если бы не застрявшая железная пуля, повредившая кость на ноге и глубоко в ней засевшая. Два дня агонии превратились для бедняги в ад. Он умер от воспаления, потери крови и железа, разъедавшего рану изнутри. А жители Сонневейка пошли просить милости в Хорвеле, куда уже ушли некоторые из них.

Барон много раз предлагал оставить спорную землю и переселиться в Хорвель, чтобы не бояться того, что однажды из Кэтрилана придут и захватят их силой. Некоторые согласились, другие посчитали, что и так и эдак они теряют свободу, а значит, добровольно становиться чьими-то подданными, кроме как королевы Хортланда, смысла особого нет. Однако судьба распорядилась иначе. И фэйри, и люди, забрав из Сонневейка все, что можно было забрать, включая домашнюю птицу и даже кошек и собак, перебрались в Хорвель одним днем.

А дальше… Дальше Таре и Линту было уже все понятно. Чему-то они стали свидетелями с помощью магии, что-то видели своими глазами. Додумать остальное не составляло большого труда.

Линта’эл хмурился и молчал. Тара же думала о другом. Не чувствуя по отношению к самой Киаль какой-то неприязни, ее все же беспокоила лояльность, с которой к фэйри относился сам Виллем Веге, ее корни и истоки. Как только рассказ, который то и дело дополняли то Зэрин, то Киаль, закончился, она все же решила, что, даже если и узнает некоторую неудобную, вероятно, для фэйри правду, как такового вреда не будет. Она лишь будет в курсе… не более.

— Ваша светлость, а как вы сами относитесь к фэйри и их магии? К слуху о том, что они могут подчинить вашу волю?

Она старалась не видеть реакции Киаль, но фэйри заметно побледнела, не думать о том, что сейчас может сказать и сделать Линт, слишком болезненно относящийся к этой теме, но готова была остановить его в случае чего.

Барон неожиданно усмехнулся.

— А магия может быть плохой или хорошей? Или это все же зависит от того, кто ее применяет? Ты пришла сюда с фэйри и задаешь этот вопрос. Значит, кое-что знаешь. А он, — Хорвель кивком указал на Линта, — кое-что понимает. Не думайте, что, живя бок о бок с фэйри, я тоже этого не понял и не узнал.

С этими словами он оттянул воротник и вытащил медальон в виде отчеканенного будто бы на монете герба баронства. Черное железо тускло блеснуло, отразив солнечный луч.

— Еще нужны пояснения?

Тара покачала головой. А Киаль, сверкнув глазами, задрала рукав, обнажив руку до локтя. На тонком запястье сверкнул золотой брачный браслет. А чуть выше него был неровный шрам, как от ожога.

— Я сама проверила, как оно работает, ваше черное железо! — со злостью проговорила она. — Фэйри также не услышит ничей вин’эсаль, если сможет носить на себе подобное украшение!

— Киаль, — Хорвель взял ее за руку, заставляя отступить.

— Прошу прощения, — проговорила она, снова бросив гневный взгляд на Тару.

— И я прошу прощения, Киаль’айт, и вы, ваша светлость, — Тара чуть склонила голову, — моей целью не было нанести вам оскорбление.

— Миледи, — барон кивнул, принимая ее извинения. Взгляд Киаль тоже смягчился.

Тара же слегка смутилась, подумав, не стоит ли исправить барона, внезапно обратившегося к ней, как к аристократке. Но не успела принять решение.

— Я… хотел бы остаться и помочь, — произнес Линта'эл, — Двое фэйри, которые пришли с нами, Киаль правильно сказала, еще совсем дети, пусть и считаются уже взрослыми. И они отправятся домой, в Альвхайденгард.

— Путь неблизкий, — заметил барон, чуть вскинув брови.

— Есть… способ его сократить. Так что для себя я прошу позволения остаться. И оказать помощь, как маг или как целитель, если будет нужда.

— Хочешь проверить, может ли что-то магия Великих Дворов против пороха и железа, которым плюются эти пукалки? — съязвил Зэрин.

— Хочу, чтобы у вас здесь было больше шансов выжить, раз уж люди Хортланда решили, что фэйри надо истребить, — парировал он, а потом встретился с ним взглядом и сказал: — это вы отказались от вассального подчинения Великому Двору Ночи. Двор Ночи от вас не отказывался.

Фэйри внезапно стушевался, отвел взгляд и умолк, больше не проронив ни слова.

— Я не в том положении, чтобы отказываться от любой помощи. Тем более, от помощи фэйри, желающего помочь своим же соплеменникам, которые теперь мои подданные, за жизни которых отвечаю я, какая бы причина ни стояла за этим желанием, — Виллем Веге сделал шаг вперед и протянул Линту руку. — Будьте моими гостями. Ты и твои спутники оставайтесь на Тсам-Храйдс. Не знаю уж, есть ли действительно безопасный способ отправить пару фэйри домой через весь Хортланд. Но я гарантирую, что в Хорвеле, пока идет праздник Середины Лета, вам ничего не угрожает.

Линт слегка улыбнулся и пожал протянутую руку.

— Я принимаю приглашение… что же до остальных…

— Я останусь, — перебила его Тара, — и тоже помогу вам. Поверьте, ваша светлость, любой наемник, побывавший в Узмире, даже среди подготовленных вами людей… и фэйри, будет далеко не последним бойцом. Плата мне не нужна. Контракт, заключенный с Линта'элом, предусматривает и это.

В глазах барона отразилось удивление, понимание и невысказанный вопрос. А Линт резко повернулся к ней, посмотрел, словно собирался тоже что-то сказать, но сдержался.

***

Киаль вызвалась проводить их обратно до кухни. Тем более что ей теперь надо было распорядиться, о комнатах для гостей. Шли молча. Лишь перед самыми дверями, за которыми гремели котелки, шипело масло и слышались голоса Дара и Лайрин, чтобы увлеченно рассказывающих наперебой, фэйри-баронесса остановилась и сказала:

— Линт, — ее голос чуть дрогнул, выглядела она при этом как будто виноватой, — ты можешь сказать Сэлэми, когда увидишь его, что…

— Киаль, — перебил он ее, — ты… можешь любить кого хочешь. Сэлэми бы… Сэлэми не обидится на тебя. Ты же его знаешь…

Они помолчали пару секунд, Киаль кивнула и улыбнулась.

— Я пойду, скажу, чтобы вам приготовили комнаты. И чтобы там было все необходимое.

И, прежде чем Линт успел что-то сказать, метнулась по лестнице вверх. Тара проводила ее взглядом. На языке крутился вопрос, и она решилась его задать:

— Ты ей не сказал. Почему?

— Зачем? — он грустно улыбнулся. — Киаль не вернется в Альвхайденгард. И некому больше сказать ей о его смерти. А кому нужно, чтобы она испытала чувство вины еще и из-за этого. Никто ведь не знает, что произошло и почему он тогда исчез.

— Сэлэми был… в нее влюблен?

— Сэлэми? — улыбка стала слегка скептической. — Он любил смотреть на жизнь и когда рядом кто-то живет, шумит и радуется. А потом это рисовать. Не знаю, можно ли сказать, что он был влюблен конкретно в нее… Но ты же видишь, какая она.

— Хм… Очень… живая.

Тара уже коснулась дверной ручки, собираясь войти.

— Стой… Я хотел сказать… ты здесь не обязана оставаться. Осада — это ведь не шутки, — остановил ее Линт, — не прогулка с недорослями по Хортланду. Ты не обязана… Я бы не хотел, чтобы…

Он не договорил. Вее глазах зажегся какой-то странный огонь, которого он еще никогда не видел и не представлял, что во взгляде Тары может быть столько гнева. При этом выражение ее лица не изменилось.

— Мы заключили контракт. Я обещала тебе помочь во всем разобраться. И, кажется, то, что здесь происходит — часть общей проблемы.

С этими словами она резко толкнула дверь, распахнула ее и вошла. Линт же помедлил. И тяжелая, дубовая дверь, снабженная пружинным механизмом, резко захлопнулась прямо перед его носом. Хорошо, не ударив по лицу.

Он резко выдохнул от неожиданности, но все же закончил то, что хотел сказать:

— …не хотел, чтобы ты пострадала из-за меня…

Дверь открылась так же резко, как только что захлопнулась.

— Линт, я не хотела… Ты в порядке? — Тара выглядела сконфуженной, но, увидев, что ничего не случилось, хмыкнула, поджала губы, отвернулась и пошла вперед.

Мэй. Глава 7, в которой Мэй предлагают войти в Великий Двор

С самого утра Мэй как будто все время чего-то ждала. Это было глубоко спрятанное в ней чувство. Она пыталась объяснить это тем, что именно сегодня они с Эйверин'айт будут сопровождать файрина Альвхайденгарда во время его визита в резиденцию Двора Осени. Но когда Мэй решала: да, дело именно в этом, — тут же приходило понимание, что она ошиблась. Тревога ожидания не проходила.

После завтрака ей передали, что рэйн Эйверин'айт ждет ее в саду. И с ней там рэйн Зирайа'айт, прибывшая из Айлу'эл'энди. Это сообщение сильно ее взволновало. Настолько, что она выбежала в сад, даже не подумав взглянуть на себя в зеркало. Нет, конечно, она утром и умылась, и волосы привычно заплела в косу, и платье на ней было из тех, что принесли ей уже после того, как она оказалась во Дворце Файрина. И со всеми застежками и поясом она вполне справилась сама — вообще одежда фэйри, даже фэйри Великих Дворов, была сшита так, что можно было все надеть, застегнуть и завязать без слуг. Но ведь совершенно не подобает юной леди выскакивать из покоев вот так, не убедившись, что с ее внешним видом все в порядке.

В саду ее действительно ждала Эйверин с фэйри Цветения. У Зирайа'айт были такие же глаза цвета весенней сирени и густые русые волосы, со множеством чуть более светлых и чуть более темных прядей, как у Норвайн'эла. Мэй запомнила ее по той встрече в свою пока единственную прогулку в город.

— Мир'энорэ, каэлин Мэй, — поприветствовали ее обе фэйри, и девушка снова подумала, что вот черта этого народа, которая ей определенно по душе.

Они не дожидались, когда кто-то, вроде как младше или стоит на ступень ниже по положению, поздоровается и дождется, чтобы на него обратили внимание, даже если его вызывали и ждали. В большинстве своем фэйри были лишены подобных привычек, присущих человеческим аристократам.

— Мир'энорэ, рэйн Эйверин'айт, рэйн Зирайа'айт, — проговорила Мэй.

И все же в глаза Зирайа'айт смотреть было тяжело. Мэй самой это не нравилось, но она ловила сходство фэйри с тем, кто вызывал в ней неприязнь и отторжение, и не знала, как с этим справиться.

— Рэйн Эйверин'айт, что-нибудь известно о Лайи? — не выдержав, спросила Мэй. Все же нарушение норм приличия, которые вбивала в нее домна Сердженция в Эритии, давалось ей с трудом. Но терпеть она больше не могла.

— Шеол… Рэйн Шеолан'эл должен вот-вот подойти, — успокоила ее Эйверин, — я просила, чтобы он рассказал все, что ему удалось узнать, и тебе в том числе. Считаю, ты имеешь на это право.

Мэй судорожно вздохнула и кивнула. И ей показалось, что она уже слышала это имя. Да, когда невольно подслушала разговор файрина и Эйверин'айт. Или нет, еще раньше…

— Каэлин Мэй, — обратилась к ней сама фэйри Цветения.

У нее был мягкий, приятный голос, она не использовала ни капли магии, что девушка почувствовала сразу, но отчетливо услышала печаль. Едва уловимые нотки. И Мэй заставила себя поднять глаза и встретиться с ее сиреневым взглядом.

— Каэлин Мэй, я знаю, что тот, кто называл себя Норвайн'элом в Айлу'эл'энди, причинил тебе… да и вам всем… много вреда. А ты едва не погибла по его вине. Я не прошу тебя… забыть. Только понять… Фэйри, который все это совершил, не Норвайн'эл из Двора Цветения. Мой племянник… — Зирайа'айт на мгновение умолкла, и губы ее дрогнули, — мой племянник, как оказалось, погиб около семи лет назад…

Мэй вздрогнула, пораженно уставившись на собеседницу, моргнула и проговорила, тщательно подбирая слова:

— Мне очень жаль. Я… соболезную… сочувствую вашей утрате… Но… как такое возможно?

— Магия, — ответила Эйверин, — которую мы считали забытой, и которая является запретной. Один из талантов Великого Двора Сумерек. Его очень сложно обнаружить, если не знаешь, на что надо смотреть. Или не подозреваешь, что это необходимо. Все, кто должен знать, уже предупреждены. И я надеюсь, принимают все необходимые меры, чтобы обезопасить оба дворца и всю Кэл'эстрию.

Зирайа'айт согласно кивнула, но промолчала. На ее лице все так же сохранялось печальное выражение. А Эйверин вновь обратилась к Мэй:

— У меня будет к тебе просьба, Мэй. Сейчас оставшиеся в Айлу'эл'энди девушки растеряны и, мне показалось, немного напуганы. Многие как будто только-только начинают понимать и переживать то, что должны были пережить много недель назад — разлуку с близкими и тоску по родному дому, который покинули навсегда.

Мэй внутренне содрогнулась, прекрасно понимая, что случилось с ними. Остальные девушки, включая и Лайи, попав впервые под вин'эсаль Алин'юйт в самый первый день, так и находились почти все время в состоянии эдакой эйфории. Мэй с самого начала из нее словно выныривала. И ей удавалось глотнуть свежего воздуха, хоть немного, прежде чем утаскивало обратно. А потом и вовсе избавилась от этого влияния, кажется, нарушив какие-то планы сестры файрина и Норвайн'эла… того, кто им притворялся.

— Мы еще разберемся с тем, как вы оказались в Альвхайденгарде, — продолжила Эйверин, — принуждение, плата за помощь, которую фэйри предоставляли, как жест доброй воли, отбор, который вам устроили — все это немыслимо и требует разбирательств. Но сейчас хотелось бы, чтобы жизнь их в Альвхайденгарде стала… более полноценной. Нельзя держать тех, кого пригласили, взаперти…

— Но вин'эсаль и их беспомощность перед этой простой магией… — с пониманием продолжила Мэй. — Что вы хотите от меня?

— Покажи нам, как ты это делаешь… Как ты закрываешься от вин'эсаль, — попросила Зирайа'айт. — Рэйн Эйверин'айт говорит, что, может быть, получится научить этому и других.

— Хорошо, — Мэй посмотрела на обеих фэйри, — если вин'эсаль будет плести рэйн Эйверин'айт. Покажу даже сейчас. Если… если получится.

Она вдруг как-то начала сомневаться в собственных силах, хотя с тех пор, как Мэй осознала эту свою способность, она ни разу ее не подвела.

Но все получилось, как и прежде. Мэй ощутила легкое касание магии, словно дуновение теплого ветерка, приносящее счастье и легкость. Но не позволила себе раствориться в нем, оттолкнула, ощутила себя вне его влияния. Эйверин спокойно кивнула. Мэй перевела взгляд вторую фэйри. Та выглядела несколько озадаченно.

— Каэлин Мэй… Это… Рэйн Эйверин'айт, но это то же самое что…

Фэйри Дня пожала плечами, как бы давая понять: она понимает, что хотела сказать Зирайа'айт.

— Мэй, ты думаешь, могла бы научить этому кого-то еще? Из своих подруг?

Подругой ей всегда была только Лайи. Остальных-то она и узнать толком не успела. Была… Мэй одернула себя. Почему вдруг ей пришло в голову говорить о Лайи в прошедшем времени.

— Мэй?

Девушка слегка тряхнула головой, отгоняя неприятные навязчивые мысли, стараясь сосредоточиться на вопросе, и, наконец, ответила:

— Я не знаю. Это… однажды произошло само по себе. И… всегда, каждый раз мне все равно в первый момент хочется… принять этот вин'эсаль. Но я попробую объяснить, если получится.

— Попробовать надо, — проговорила Зирайа'айт, — обязательно. Вдруг… Может, людям не так уж недоступна магия.

Почему-то Эйверин скептически покачала головой, одарив Мэй мягким одобрительным взглядом, в котором было что-то еще, что девушке было совершенно непонятно, но явно не относилось ни к чему плохому или тревожному.

— Шеол! — Эйверин'айт подняла руку, приветствуя кого-то, кто подошел к ним и оказался за спиной Мэй.

Она повернулась и чуть отступила, пропуская фэйри в их круг.

— Мир'энорэ, рэйн-а, каэлин Мэй, — проговорил он.

И после того как все вновь обменялись приветствиями, Эйверин сказала:

— Мэй, это рэйн Шеолан'эл из Двора Тени. Я говорила о нем…

Девушка заставила себя не разглядывать фэйри очень уж пристально. Ее всегда учили, что это не подобает ни ее положению благородной дамы, ни ее статусу компаньонки дочери герцога. Только фэйри до всего этого дела не было. Да и сама Мэй уже начала забывать про статус и положение, и даже о том, что Лайи — дочь герцога. Лайи — это Лайи. Близкая подруга, почти сестра. Но старые привычки перебороть было тяжело.

Двор Тени. Она уже начала привыкать к тому, что фэйри разных Дворов обычно имели какие-то особые черты. К тому же ей пока приходилось общаться всего с двумя мужчинами-фэйри близко: лже-Норвайном и файрином Альвхайденгарда, рэйном Калиад'элом. И общение с этими двоими кардинально отличалось В Айлу'эл'энди их окружали женщины.

Шеолан'эл был высок и статен, как все они. Но в отличие от Калиада и Норвайна волосы у него были короткие. Это было неожиданно и непривычно. А еще совершенно неяркая для фэйри внешность - пепельно-русые волосы и серые глаза без каких-то необычных оттенков или вкраплений. Хотя даже если сравнивать с красавцем королем-консортом Видальдом, фэйри все равно был красивее.

И вдруг в этот же момент она вспомнила, где видела его раньше. В лесу, когда на их с Лайи карету напала какая-то банда оборванцев. Именно этот фэйри со своим отрядом разогнал их и, по сути, спас тогда. А ведь все это время в ее голове прочно сидела мысль, что их спаситель — Норвайн'эл. Имя Шеолан'эла было названо уже тогда. Но память об этом сильно поблекла и почти стерлась… Лишь сейчас Мэй поняла, что в тот раз вся их благодарность и признательность достались самозванцу.

— Мы… уже встречались, — проговорила она, взглянув на фэйри Тени, — в Охранном лесу рэйн Шеолан'эл спас меня и Лайи, когда на нас напали. И мы… я… даже не поблагодарили тогда…

И осеклась под его внезапно насторожившимся взглядом.

— Каэлин Лайи — твоя подруга, та, что была с тобой в карете, каэлин Мэй? — спросил он.

— Да, — чуть помедлив ответила Мэй, — это имеет какое-то значение?

Шеолан'эл в ответ лишь покачал головой, а потом сказал:

— Каэлин Мэй, мне жаль, но каэлин Лайи пока найти не удалось. Алин'юйт не вела записей. А из тех, кто был при ней в Айлу'эл'энди, никто не помнит ни имени, ни Двора, в который забрали ее. Сама же Алин'юйт говорить отказывается. Фэйри моего Двора сейчас проверяют тех, кто оказывал Алин'юйт поддержку в последнее время.

Мэй ощутила, как похолодело внутри. Больше всего она рассчитывала, что найти Лайи будет не так уж сложно. Прошло всего несколько дней. И с ней там, в непонятном месте с незнакомцами, которым Алин'юйт отдала, преследуя какие-то свои цели, может произойти что

угодно. Слишком хорошо она запомнила слова Эйверин'айт о телах девушек в подземельях под Айлу'эл'энди.

— Отказывается? — в голосе Эйверин'айт зазвучали угрожающие нотки. — А она вообще понимает, о чем идет речь? И что же Калиад? Позволит ей молчать?

— Я предложил рэйну Калиад'элу… — Шеолан'эл бросил взгляд на Мэй и продолжил так, словно ему приходилось подбирать слова, — разные способы, способные заставить ее говорить. Он…

— Пока не готов подвергнуть пыткам собственную сестру! — недовольно закончила за него Эйверин. — Увы, я его понимаю.

— И вернуть Черную эпоху… Прежде чем принимать подобное решение, он все же хочет переговорить с рэйном Арлайн'элом. — заключил Шеолан'эл, и тут же обратился к девушке: — каэлин Мэй, я сделаю все, чтобы найти каэлин Лайи. С приказом файрина или без. Мы начнем с тех, в чьи Дворы вошли каэлин, прибывшие пять лет назад. Выясним причины, чем так привлекательно получить в свой Двор каэлин. И найдутся зацепки. Если только ты не вспомнила имя…

Мэй покачала головой. Она не помнила ни имени, ни Двора. Только то ощущение неправильности происходящего и лже-Норвайна с Лайи в оранжерее. Ей до сих пор было неприятно и страшно об этом вспоминать, и она так никому ничего не рассказала о том, что тогда видела.

— Причины… — медленно проговорила она, — зачем рэйн Нарад'эл, файрин Двора Лета, опаивал и обманывал дев-фэйри? Могут причины… быть похожи.

— Каэлин Мэй так хорошо осведомлена об истории Черной эпохи? — удивилась фэйри Цветения.

Эйверин задумчиво склонила голову набок, а Шеолан'эл спокойно ответил:

— Эйверин'айт уже говорила мне об этом. Я проверю эту мысль, каэлин Мэй, благодарю тебя. Но, возможно, разговор с файрином Двора Осени даст однозначный ответ и на этот вопрос.

В этот момент Мэй показалось, если сам Шеолан'эл ответа не знает, то уверен, что фэйри, о котором идет речь, как раз осведомлен или догадывается о планах Алин'юйт. Выражение лица Эйверин'айт также красноречиво на это намекало.

— Я прошу прощения, рэйн-а, каэлин… Рэйн Калиад'эл ждет меня.

Как только фэйри Тени покинул их, Мэй, расстроенная почти до слез, тоже попросила прощения и ушла к себе, хоть и не знала, что ей делать одной в отведенных ей покоях. Не хотелось ни читать, ни заниматься чем-то еще.

Мысли перескакивали с одного на другое. А правда, могла ли она научить кого-нибудь, ту же Лайи, закрываться от вин'эсаль? И сразу же пришло едкое чувство вины: так почему не попробовала? Не поговорила? Не попыталась показать?

Но что было бы, если бы и Лайи тоже могла не поддаваться этой магии? Не оказались бы они вместе там же, где и их предшественницы — мертвые в подземелье?

Мэй спас Калиад'эл. Какая-то невероятная случайность привела его в Айлу'эл'энди в ту ночь. Случись это раньше, повезло бы им так же?

Она содрогнулась, вспомнив, как Эйверин'айт и Шеолан'эл обсуждали пытки. И поняла, что совершенно бы не хотела, чтобы Калиад'эл принял подобное решение. Алин'юйт, кажется, по меркам фэйри провинилась достаточно, чтобы рассматривать такой вариант, который принудит ее говорить. Но сможет ли брат заставить сестру пройти через такое?

У самой Мэй было трое братьев. С двумя старшими была слишком большая разница в возрасте, они не были близки, как обычно, становятся в детских играх. Но был Фабиан… И одно время он даже водил ее на луг и показал ей забаву, доступную лишь им двоим: долго вглядываться в травы и листву, до тех пор, пока не проявятся на всем живом и неживом тонкие золотые нити, сплетающиеся в прекрасные узоры. Потом сам же Фабиан сказал ей забыть об

этом перед тем как ее отправили в Эритию. Смог бы он причинить ей боль, если бы считал, что она должна сказать какую-то нужную ему правду? Она бы сама ни за что не смогла бы…

А Калиад'элу, возможно, придется принять такое решение. И она ему не желала пережить подобное. Словно что-то давало ей почувствовать его смятение, понимание необходимости, но и невозможность заставить себя переступить эту черту. Странно… эти чувства пришли, как горное эхо, стоило ей задуматься обо всем.

Из окна пахнуло влагой, как будто солнце пригрело намокшую после дождя землю. В комнате появился странный запах то ли мокрой пыли, то ли стоялой воды. Кто-то довольно громко хмыкнул за спиной Мэй. Девушка от неожиданности вскрикнула и резко повернулась и отпрянула, увидев сидящую на подоконнике фигуру, но не сразу узнав ее.

— А ты… не совсем фэйри, но похожа на них, — протянул кельпи.

Он сидел, свесив вниз босые ноги, с которых прямо на мраморный пол капала вода.

— Норамсар, — с некоторым облегчением проговорила Мэй, хоть и ощутила сразу неловкость.

Кельпи, конечно, водный дух. Но все же форму он принимал вполне мужскую. Юной деве быть с мужчиной наедине одной в комнате не подобает — тут же вспомнила она наставления домны Сердженции. Правда, напрочь позабыв о том, что уже осталась наедине в своей комнате с файрином Альвхайденгарда, и гуляла с ним же в закрытом саду.

Как и в трапезной, кельпи был в образе, близком к фэйри, с серебристыми волосами чуть-чуть отливающими голубизной, очень бледной даже для фэйри кожей и черными глубокими глазами без белков, босой и в верхнем одеянии с распахнутым воротом, как будто оно было накинуто на голое тело. Это смущало еще сильнее.

— Я не фэйри, — проговорила Мэй.

— В чем-то — совсем не фэйри. Но чем ты от них в сущности отличаешься?

Кельпи говорил странно, как будто в его понимании быть фэйри — это что-то плохое. И Мэй не нашлась что сказать. Она ведь уже успела столкнуться с неприятной стороной Альвхайденгарда. Это не то чтобы заставило ее совсем разочароваться, но научило смотреть на все с большим реализмом. Может быть, кельпи знает еще больше? Или же имел дело с чем-то совсем неприятным?

— Ну? — нетерпеливо спросил он. И девушка поняла, что вопрос вовсе не риторический. Он ждал от нее ответа.

— Я… не так красива, как фэйри, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Чушь. Это сравнение существует лишь в твоей голове, каэлин Мэй. У тебя два глаза, один нос, руки и ноги на месте. В физическом плане ты не хуже и не лучше любого из них.

— У меня нет магии, — развела она руками. На это уж точно сказать нечего. Этим любой человек от фэйри отличается.

Кельпи на мгновение замер, глядя на нее, а затем разразился громким смехом, словно она сморозила какую-то глупость.

— Смешно, — заключил он, резко прекратив смеяться. — А ты пробовала?

— Что?

— Плести магию.

И снова она не нашлась с ответом. Как можно вообще пробовать то, о чем не имеешь ни малейшего понятия и даже не понимаешь, как оно выглядит и как именно надо "плести", если это слово вообще означает то же самое, что представляет себе она, когда его слышит.

Раздался негромкий стук, и послышался голос Эйверин'айт.

— Мэй, могу я войти?

Кельпи оскалился, обнажив два ряда острых зубов, прошипел что-то такое, что было совсем не похоже на люмьери, язык фэйри, но очень походило на ругательство, взметнулся вверх водяным вихрем и сбежал так же, как и вошел — через окно.

Это заняло всего мгновение, и Мэй, не привыкшая к тому, что такое вообще возможно, еще несколько секунд пораженно глядела на колышущуюся занавеску.

Стук повторился.

— Да… Да, рэйн Эйверин'айт. Заходи…

Фэйри Дня почти сразу заметила и раскрытое окно, и мокрые следы на полу под подоконником, да и запах в комнате все еще стоял тот же — мокрая пыль и вода с тиной, покачала головой.

— Чего этот он привязался к тебе? — спросила она, кажется, даже не думая, что получит ответ.

— Кельпи… Норамсар? Он… мне кажется, ему скучно. Это правда, что он последний из своего народа?

— Он единственный, Мэй, — ответила фэйри так, словно это должно было все пояснить, — не знаю, стоит ли тебе привечать его.

— Ты считаешь, он опасен?

— Кельпи своевольны и безрассудны. И рассуждают иначе. Никогда не поймешь, что у них на уме, — пожала она плечами, а потом сказал, сменив тему: — нас ждет рэйн Калиад'эл. И Двор Осени.

— Я… достаточно подобающе одета? — Мэй вспомнила, что и причесывалась, и одевалась наспех, торопясь на встречу в саду, метнулась к зеркалу, чтобы хоть мельком посмотреть на себя.

Позади нее возникло отражение Эйверин'айт. Сейчас на Мэй было светлое платье Двора Дня…

— Белое с золотом… — губы фэйри тронула легкая улыбка, — не думала о том, чтобы насовсем надеть эти цвета?

— Что? — Мэй чуть удивленно воззрилась на Эйверин.

— Войти в Двор Дня, — спокойно пояснила та, — стать его часть. Пусть весь Двор и состоит из одной меня.

— А это… может быть позволено? — спросила Мэй. — Разве нас сюда отправили не затем, чтобы нас взяли… — она осеклась. На люмьери не было слов "замуж", "жена", "муж". И ей снова пришлось придумывать, как объяснить. — Войти в какой-то Двор разве можно как-то… иначе, чем если меня выберет какой-нибудь мужчина-фэйри?

Эйверин слегка приподняла одну бровь.

— Как фэйри Двора Дня ты сама сможешь решать, отвечать ли на чей-либо… хм… выбор. Или нет. У тебя это вполне получается. Не говори сейчас. Подумай. Никто ни к чему не будет тебя принуждать. Идем.

Мэй двинулась следом за Эйверин, озадаченная ее предложением и вместе с тем тут же понявшая, что ведь и в самом деле для нее сейчас это было бы лучшим решением. К тому же она вдруг с некоторым запозданием осознала, что фэйри, те фэйри, которые окружают ее сейчас, считают ненормальным то, как девушки оказались в Альвхайденгарде. И явно Эйверин'айт не видит никакой необходимости, чтобы Мэй вошла в какой-то Двор тем способом, к которому их готовили. Ох… еще бы найти подходящие для этого слова… Словно их вообще нет на люмьери. Есть мать, отец, дочь и сын. Даже обозначения для всяких троюродных родственников, принадлежащих разным Дворам, у фэйри были. Все, что угодно, кроме слов "муж", "жена", "брак", "супруги"...

Они проходили по открытой галерее, через распахнутые высокие окна которой был видел сад. Мэй засмотрелась на яблони, самые обыкновенные, с розовеющими на них, еще не спелыми, но уже такими аппетитными плодами, и вдруг вспомнила. Сегодня же первый день Тсам-Храйдс… Немного жаель, что фэйри не празднуют Середину Лета.

Мэй. Глава 8, в которой рассказывается о том, как сложно бывает принять то, о чем даже не смел мечтать, и как легко вновь потерять это

В окно, выходящее в сад, было очень хорошо видно всех четверых собеседников: Эйверин'айт и фэйри Цветения, которая теперь занималась Айлу'эл'энди, Шеолан'эла и каэлин Мэй. С такого расстояния Калиад не мог расслышать, о чем они говорили. Да он и не собирался подслушивать, хоть никто из них не озаботился сплести полог, а ему ничего не стоило создать чары, что усилили бы звук голосов чисто для него. Но зачем, если он примерно представлял, о чем пойдет речь, что делает здесь Зирайа'айт и почему Шеол сначала зашел в сад по просьбе Эйверин'айт, а не пришел прямо к нему, как они договаривались.

Взгляд то и дело останавливался на каэлин Мэй. Догадка, в которую было странно верить, осознание того, на что он и не смел надеяться, раз за разом возвращала его мысли к недавней ночи, а потом в тот роковой день, к произошедшему так много лет назад, в другом мире.

Понять и осознать — не то же самое, что принять. И говорить об этом он не должен, не имеет права, ни с Эйверин, ни тем более с самой Мэй. Фэйри, отдающие дар последнего плетения своим умершим, верящие, что души их возвращаются, чтобы прожить новую жизнь, никогда не говорили вслух о своих догадках по поводу того, чью душу вернул Исток в том или ином из них. Нельзя сваливать груз прошлых дел, ошибок и связей на того, кто живет сейчас… Нельзя.

А если вдруг связь все же жива?

Умирающая каэлин позвала на помощь. Каким образом? Какую магию могла использовать та, которой по всеобщему убеждению магия была неподвластна? Или она позвала единственного, кто мог услышать ее зов и кто однажды его не услышал.

И это разрушило наложенное на него плетение. Сон памяти, вплетенный в его собственный узор, постепенно погружающий его в его же прошлое, чтобы оно поглотило его.

Как давно это случилось? Как давно он не ощущал настоящую ясность ума, как сейчас, и такую же ясность чувств? Когда пришли сны, терзающие его память и вызывающие это всепоглощающее чувство вины?

Вина никогда не исчезала из его души. Калиад хорошо помнил, как ждал еще в Эльлисаре, что однажды ивэль, которым он и Айрин'айт соединили свои души, призовет его следом за ней. Его начнут покидать силы, пока он сам не станет собственной тенью и не уйдет в поля Забвения. Но время шло, а Исток не торопился, лишь раз намекнув ему на то, что ивэль все же был, когда Калиад смог открыть путь из Эльлисара в этот мир, нарисованный мальчишкой, непонятно в каких снах его увидевшим.

Был Исход. Потом они строили Альвхайденгард на холодных островах и Бесплодном Бреге, как называли эти края люди. Искали общий язык с соседями, едва снова не вступили в конфликт после убийства послов… Тогда ему удалось остановить гнев фэйри, направленный против людей одним своим словом: фэйри не будут воевать в новом мире!

Дела, дела, дела… Он нужен был Альвхайденгарду, тем, для кого нашел спасение, своему Двору, всем, кто согласился стать его прямыми вассалами. И он жил…

А вера в то, что когда-то ивэль был сплетен, соединив души его и Айрин'айт на много-много жизней вперед, начала меркнуть.

Какой странный узор сплел Исток, отобрав отведенные им крохи времени в Эльлисаре, но вдруг, словно усовестившись, вернул ее, при этом все же насмехаясь над тем, кто стал файрином для всех фэйри Альвхайденгарда.

А Алин'юйт? Зря Шеолан'эл думает, что Калиад жалеет свою сестру, а потому не может заставить ее говорить. Нет. Он когда-то совершил ошибку, не обращая внимания на то, как и чем она живет, считая, что ни один член его семьи, ни один фэйри Двора Ночи не может быть настолько вероломен и… жалок в этом своем вероломстве. И в следующий раз он войдет в "железную комнату" и заставит свою сестру говорить, хоть и знает большую часть того, что услышит.

И все равно, оставался вопрос: как давно?

Семь лет назад некто, фэйри, обладающий как минимум одним талантом Двора Сумерек, убил Норвайн'эла и занял его место при Алин в Айлу'эл'энди.

Семь лет назад Линта'эл, вернувшись в Альвхайденгард, попытался в чем-то обвинить Алин'юйт, требовал разговора под нитью правды, говорил, что она делает нечто способное навсегда разрушить отношения с людским королевством.

Она согласилась отвечать, но если вопросы будет задавать Калиад. А дальше… он очень смутно помнил, о чем говорил с ней, почему решил, будто младший брат пытался ее оклеветать, и как в голове засела мысль, что Линта'эл сбежал, опасаясь… чего?

Линта'эл, отправившийся ко Двору Осени, чтобы договориться, и спокойно принявший наказание за то, что сделал, проведший отряд в погибающий Аурелис и сам прошедший весь путь с Вальтар'элом и воинами Двора Мглы, сбежал, чего-то испугавшись?

Калиад чувствовал ярость лишь оттого, что ни разу не задумался, насколько подобное нелогично и невозможно. И потому что понял это даже не сразу после того, как плетение сна памяти было разрушено.

Он снова посмотрел на сад. Каэлин Мэй шла к входу в Сиян'эл'энди, к лестнице, что вела к ее покоям, а за ней, не сильно прячась, шурша листвой и оставляя мокрый след на дорожке, следовал кельпи, которого она, по всей видимости, не замечала.

Никто не должен внезапно получить груз ответственности из жизни, которую он даже не помнит. А что насчет благодарности в этой жизни? За то, что ее крик о помощи разбудил его, вырвав из болезненного убивающего сна, и за то, что вернула ему его самого, совершенно не понимая, как спасла его.

— Рэйн Калиад'эл…

Голос фэйри Тени отвлек его от мыслей.

— Проходи, — проговорил Калиад, поворачиваясь, — насколько я понимаю, докладывать тебе пока не о чем.

Он вызвал Шеола к себе сам, желая переговорить перед тем, как отправится в Эншел'энсан к Двору Осени. Пусть Калиад и не собирался отсутствовать долго. Кое-что надо было обсудить сейчас.

— Мы пока не нашли никаких следов фэйри, притворявшегося Норвайн'элом, — сухо ответил Шеол, — фэйри Мглы сообщили об исчезновении Кэрис'эла. Но оказалось, что рэйн Дион'эл отослал его с заданием по каким-то делам Двора Мглы. Тень и Мгла будут дальше следить за всеми сообщениями и происходящим. Нужно, чтобы он… сделал что-то… как-то выдал себя. Пока рэйн Алин'юйт не желает говорить.

Калиад спокойно выслушал и согласился, хотя внутри все скручивалось в тугой, холодный клубок. Понять, осознать и принять — три разные вещи. Винить себя в том, что не проявил достаточно внимания к этому делу тогда, когда казалось, все и так хуже некуда, а Алин, если о чем-то и догадывалась, то точно не могла желать Айрин'айт смерти. И сон памяти сплел фэйри Льда, взявший на себя всю вину перед смертью… Был ли он на самом деле виновен? Жаль, но Калиад даже имени его вспомнить не мог.

— Я вернусь из Эншел'энсана сегодня вечером или завтра утром, и Алин'юйт ответит на все вопросы под нитью правды, желает она сама этого или нет, — спокойно произнес Калиад. — Сейчас мне нужно от тебя иное. Расскажи мне про сон памяти.

Фэйри Тени едва заметно дернул одним уголком губ, никак больше не выдав, что тема ему неприятна.

— Что именно ты хочешь услышать, рэйн Калиад'эл?

— Насколько действие этого плетения способно исказить действительную реальность? Не сон.

Сны под ним реалистичны до безумия. Приходящее в нем воспоминание не было искажено. Иногда он думал, что был бы рад, если бы хоть раз во сне все пошло не так, как случилось в прошлом… Хотя о чем он?

— Способно, — Шеол проговорил, и явно ему этот разговор удовольствия не доставлял, хоть эмоций фэйри Тени не выказывал, — но искажение должно оставаться в каких-то допустимых для тебя самого рамках… — на лице промелькнула досада, — иначе плетение будет отторгаться. Правда, это может привести к смерти, если не будет рядом того, кто может помочь избавиться от чар и восстановить узор…

— Насколько тяжело определить наличие этого плетения в узоре?

— Почти невозможно. Ты знаешь, что произошло тогда, тебе говорили, рэйн Калиад'эл. Меня вычислили только по странностям поведения и тому, что я не мог создать плетение своего же Двора.

"Говорили", "вычислили"... Калиад знал, о ком и о чем идет речь. И знал, почему Шеол не произносит имени. Он помнил и осознавал происходящее все эти семь лет. И плел иллюзию раз за разом, желая еще раз увидеть лицо той, которую потерял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.